

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ПРАВА Башкирского государственного университета

Сетевой научный журнал

№2 2023

Учредитель

ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»

Издатель

ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»

Редакционный совет журнала:

Председатель редакционного совета И.А. Макаренко

доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой криминалистики,
председатель Центральной избирательной
комиссии Республики Башкортостан (Уфа).

Заместитель председателя редакционного совета

А.Б. Галимханов

кандидат юридических наук, доцент кафедры
криминалистики, проректор Уфимского
университета науки и техники по
образовательной деятельности (Уфа).

Члены редакционного совета:

Г.М. Азнагулова

доктор юридических наук, профессор Института
законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве РФ (Москва);

С.Ж. Айдарбаев

доктор юридических наук, профессор, профессор
кафедры международного права Казахского
национального университета им. аль-Фараби
(Алматы, Республика Казахстан);

Ф.Г. Аминев

доктор юридических наук, доцент, профессор
кафедры криминалистики Уфимского
университета науки и технологий (Уфа);

Н.Н. Арзамаскин

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и истории
государства и права Ульяновского
государственного университета (Ульяновск);

М.М. Бринчук

заслуженный деятель науки Российской
Федерации, доктор юридических наук,
профессор, заведующий сектором
эколого-правовых исследований ИГП РАН,
Институт государства и права РАН (Москва);

А.В. Варданян

заслуженный деятель науки Российской
Федерации, доктор юридических наук,
профессор, начальник кафедры криминалистики
и оперативно-разыскной деятельности ФГКОУ
ВО РЮИ МВД России (Ростов-на-Дону);

Е.Л. Васянина

доктор юридических наук, доцент, заведующая
кафедрой финансового права
Санкт-Петербургского государственного
экономического университета (Санкт-Петербург);

Н.Д. Вершило

доктор юридических наук, доцент, профессор
кафедры земельного и экологического права
Российского государственного университета
правосудия (Москва);

Р.Х. Гиззатуллин

доктор юридических наук, доцент, исполняющий
обязанности заведующего кафедрой
экологического и трудового права Уфимского
университета науки и технологий (Уфа);

Р.Ш. Давлетгильдеев

доктор юридических наук, доцент, заведующий
кафедрой теории и истории государства и права,
профессор кафедры международного и
европейского права Казанского (Приволжского)
федерального университета (Казань);

Р.И. Зайнуллин

кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры криминалистики, директор Института
права Уфимского университета науки и технологий
(Уфа);

А.Н. Кузбагаров

доктор юридических наук, профессор, профессор
кафедры гражданского права Северо-Западного
филиала Российского государственного
университета правосудия (Санкт-Петербург);

Д.А. Литинский

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории государства
и права Тольяттинского государственного
университета (Тольятти);

Т.И. Макарова

доктор юридических наук, профессор, заведующая
кафедрой экологического и аграрного права
Белорусского государственного университета
(Минск, Республика Беларусь);

М.В. Мещанова

доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского права Юридического института Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь)

С.Ю. Морозов

доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Ульяновского государственного университета (Ульяновск);

Р.В. Нигматуллин

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права и международных отношений Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

К.К. Сейтенов

доктор юридических наук, профессор, первый проректор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан (Косшы, Республика Казахстан);

А.П. Семитко

доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Гуманитарного университета (Екатеринбург);

А.А. Тарасов

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

Ш.В. Тлепина

доктор юридических наук, профессор Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилёва (Нур-Султан, Республика Казахстан);

Е.М. Тужилова-Орданская

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

Р.М. Усманова

доктор юридических наук, доцент, декан юридического факультета Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий (Стерлитамак);

А.А. Эксархопуло

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

З.А. Юсупова

кандидат филологических наук, доцент кафедры международного права и международных отношений Уфимского университета науки и технологий (Уфа).

Редакционная коллегия**Главный редактор**

Ф.Х. Галиев, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права, заведующий кафедрой теории государства и права.

Выпускающий редактор

О.И. Макова, начальник Научно-инновационного центра Института права.

Редактор англоязычных текстов

Н.М. Мухаметгареева, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры международного права и международных отношений.

Технический редактор

А.В. Бабенкова

Электронная почта редакции vest-law@yandex.ru; тел. (347)228-90-30.

Выписка из реестра зарегистрированных СМИ:

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ЭЛ № ФС 77-72664 от 16.04.2018 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА, ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Бредихин А.Л. О средствах реализации идеологической функции государства	7
Кулаков А.А. Концепция обыденного правосознания в российской юридической науке	13

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО, СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Дзюба А.П. Нормативно-правовое регулирование стимулирования создания инвестиционных проектов в области возобновляемых источников энергии в России	26
Хазиева Р.Р., Юсупова Р.Р. Недействительные сделки и их последствия	41

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Лифанова М.В. Социально-психологические детерминанты групповой преступности несовершеннолетних: криминологический анализ	47
---	----

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Абдуллина Д.Р. Объекты кассационного обжалования	55
Смольянинов В.Н. Соблюдение закона при назначении экспертизы	61

ЯЗЫК И ПРАВО

Амантаев И.Р., Юсупов Р.Г. О толковании некоторых юридических терминов социальной сферы	66
--	----

Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University

№ 2 (18)

2023

Published since 2018
Issued four per year

Founder

FSFEI HE «Ufa University of Science and Technologies»

Publisher

FSFEI HE «Ufa University of Science and Technologies»

EDITORIAL COUNCIL:

Head of Council:

I.A. Makarenko

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminalistics, Central Election Commission Chairman, Ufa University of Science and Technologies (Ufa).

Deputy Head of Council:

A.B. Galimkhanov

Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Criminalistics, Vice-Rector for Academic Work, Ufa University of Science and Technologies (Ufa).

Editorial council members:

G.M. Aznagulova

Doctor of Law, Professor of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow);

S.Zh. Aidarbayev

Doctor of Law, Professor of the Chair of International Law, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan);

F.G. Aminev

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Criminalistics, Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

N.N. Arzamaskin

Doctor of Laws, Professor, Head of the Chair of Theory and History of State and Law, Ulyanovsk State University (Ulyanovsk);

M.M. Brinchuk

Honoured Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Sector of Environmental Legal Studies, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences (Moscow);

A.V. Vardanyan

Honoured Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminalistics and Operative Search Activity, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Rostov);

E.L. Vasyanina

Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Financial Law, St. Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg);

N.D. Vershilo

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Land and Environmental Law, Russian State University of Justice (Moscow);

R.Kh. Gizzatullin

Doctor of Law, Associate Professor, Acting Head of the Chair of Financial and Environmental Law, Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

R.S. Davletgildeev

Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Theory and History of State and Law, Professor of the Chair of International and European Law, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan);

R.I. Zaynullin

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Institute of Law Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

A.N. Kuzbagarov

Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Civil Law, North-West Branch, Russian State University of Justice (Saint Petersburg);

D.A. Lipinsky

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Theory of State and Law, Tolyatti State University (Tolyatti);

T.I. Makarova

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Environmental and Agricultural Law, Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus);

M.V. Meshchanova

Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Civil Law, Law Institute, Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus);

S.Y. Morozov

Doctor of Law, Professor, Dean of the Law Faculty,
Ulyanovsk State University (Ulyanovsk);

R.V. Nigmatullin

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair
of International Law and International Relations
Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

K.K. Seitenov

Doctor of Law, Professor, First Vice-Chancellor,
Law Enforcement Academy under the
Prosecutor General's Office of the Republic of
Kazakhstan (Kosshy, Republic of Kazakhstan);

A.P. Semitko

Doctor of Law, Professor, Dean of the Law Faculty,
Humanities University (Yekaterinburg);

A.Al. Tarasov

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of
Criminal Law and Procedure Ufa University of
Science and Technologies (Ufa);

S.V. Tlepina

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of
International Law, L.N. Gumilyov Eurasian National
University (Astana, Republic of Kazakhstan);

E.M. Tuzhilova-Ordanskaya

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Civil
Law Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

R.M. Usmanova

Doctor of Law, Associate Professor, Dean of the Law
Faculty, Sterlitamak Branch, Ufa University of Science
and Technology (Sterlitamak);

A.A. Eksarhopulo

Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of
Criminalistics Ufa University of Science and
Technologies (Ufa);

Z.A. Yusupova

Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,
Assistant Professor of the Chair of International
Law and International Relations Ufa University
of Science and Technologies (Ufa)

Editorial Board**Editor-in-Chief****Farit Kh. Galiev**

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Theory of State and Law,
Head of the Chair of Theory of State and Law.

Executive Editor**Olga I. Makova**

Head of Science and Innovation Campus of the Institute of Law.

English Texts Editor**Natalya M. Mukhametgareeva**

Candidate of Sciences (Philology), Assistant Professor of the Chair of International Law
and International Relations.

Technical Editor**Alexandra V. Babenkova**

E-mail vest-law@yandex.ru;

Tel.: (347)228-90-30

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communication,
Information Technology and Mass Communications Registration Certificate

ЭЛ № ФС 77-72664 of April 16, 2018

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF STATE; HISTORY OF DOCTRINE OF STATE AND LAW

Bredikhin A.L. Means of Realizing the Ideological Function of the State 7

Kulakov A.A. The Concept of Ordinary Legal Consciousness
in Russian Juridical Science13

CIVIL LAW; BUSINESS LAW; FAMILY LAW; PRIVATE INTERNATIONAL LAW

Dzyuba A.P. Legal and Regulatory Framework for Stimulating the Creation
of Investment Projects in the Field of Renewable Energy in Russia26

Khazieva R.R., Yusupova R.R. Invalid Dealings and Their consequences41

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY; CRIMINAL AND PENAL LAW

Lifanova M.V. Socio-Psychological Determinants of Juvenile
Group Delinquency: Criminological Analysis47

CRIMINAL PROCEEDING

Abdullina D.R. Objects of Cassation Appeal55

Smolyaninov V.N. Law Observance in Commissioning
the Expert Examination61

LANGUAGE AND LAW

Amantaev I.R., Yusupov R.G. On the Interpretation of Certain Law Terms
of Social Sphere66

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА, ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

THEORY AND HISTORY OF STATE; HISTORY OF DOCTRINE OF STATE AND LAW

Научная статья

УДК 340.12

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2023.18.1

Бредихин Алексей Леонидович

Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел России,
Санкт-Петербург, Россия, axel_b@mail.ru

О СРЕДСТВАХ РЕАЛИЗАЦИИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье исследуется тема средств реализации идеологической функции государства, дается определение этого термина и называются конкретные наименования таких средств: пропаганда, мониторинг обратной связи, цензура и т. п. Сделан вывод о том, что, в отличие от методов, средства осуществления идеологической функции государства неисчерпаемы и изменчивы. С течением времени появляются новые средства в зависимости от внешних обстоятельств и потребностей государства на конкретном этапе развития.

Ключевые слова: функции государства, идеологическая функция, идеология, пропаганда, цензура

Для цитирования: Бредихин А.Л. О средствах реализации идеологической функции государства / А.Л. Бредихин. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2023.18.1 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2023. – № 2. – С. 7–12.

Bredikhin Alexey Leonidovich

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of
the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia, axel_b@mail.ru

MEANS OF REALIZING THE IDEOLOGICAL FUNCTION OF THE STATE

Abstract. In this article, the author explores the means of realizing the ideological function of the state, he also gives the definition of this term and mentions the specific names of such means: propaganda, monitoring of feedback, censorship, etc.

The author comes to the conclusion that, unlike the methods, the means of implementing the ideological function of the state are inexhaustible and changeable. Over time, new tools appear, and it depends on external circumstances and the needs of the state at a particular stage of the development.

Keywords: state functions, ideological function, ideology, propaganda, censorship

For citation: Bredikhin A.L. Means of Realizing the Ideological Function of the State. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2023, no. 2, pp. 7–12. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2023.18.1.

Идеологическая функция государства стоит особняком в ряду государственных функций и имеет специфические характеристики. Прежде всего, нужно отметить, что теория функций государства появилась в советской юриспруденции, но идеологическая функция в перечне не называлась.

А.И. Денисов выделил четыре основные функции социалистического государства: 1) подавления эксплуататоров; 2) обороны страны от нападения извне; 3) хозяйственно-организаторская; 4) культурно-воспитательная [1, с. 65]. Эти же функции назывались и в дальнейших исследованиях советских правоведов, а термин «идеологическая функция» появился в науке лишь в постсоветский период; чаще всего он используется в контексте формирования и реализации государственной идеологии. Мы же считаем, что идеологическая функция характеризует не саму идеологию, а механизм идеологической деятельности государства. Конкретными задачами здесь выступают легитимация государственной власти в обществе и построение определенной модели общественно-политических отношений [2, с. 50].

Классическая теория функций государства называет и методы их осуществления: убеждение и принуждение. Очевидно, что идеологическая функция в основном использует убедительное воздействие. Вместе с тем названные методы дают лишь общее представление о способах воздействия на общественное сознание. Актуальность приобретает понимание средств реализации идеологической функции, однако в науке не сформировано их понятие.

Согласно толковым словарям под средством понимаются определенные материальные предметы и интеллектуальные приемы, которые применяются в какой-либо деятельности. То есть средство по своему содержанию более конкретно, чем метод. Метод более абстрактен, поэтому служит в качестве основания появления средств, и чаще всего именно средства определяют содержание метода.

В то же время применительно к идеологической функции государства конкретные средства будут иметь свою специфику по отношению к средствам, применяемым для реализации иных государственных функций. Эти средства можно классифицировать: а) по методу: убеждения и принуждения; б) по формам: правотворческие, правоисполнительные, правоохранительные и организационные; в) по типам государства: буржуазные и социалистические; г) правовые и организационные и т. п.

В отличие от методов перечень средств осуществления идеологической функции государства неисчерпаем и изменчив. То есть для идеологической функции государства основным методом является убеждение, а конкретные средства убедительного воздействия могут быть разными. Даже если взять социалистическое государство, то и оно проходит несколько стадий своего развития, поэтому и выбор средств будет предопределяться задачами государства сообразно конкретному историческому этапу.

Наиболее распространенным и актуальным средством в идеологической работе является пропаганда, понимаемая как «распространение идей с целью их внедрения в сознание широких слоев населения для формирования у них отношения к политическим институтам, лидерам, элитам и т. п.» [3, с. 419]. Часто пропаганду воспринимают преимущественно в негативном ключе, видя лишь манипулятивный смысл и потому вызывающий отторжение у граждан вне зависимости от реального смысла транслируемой информации, ее правдивости или ложности. Даже если пропаганда, условно говоря, здорового образа жизни несет заведомо позитивный смысл, воспринята однозначно она может быть далеко не всеми. Следовательно, пропаганда – явление многоаспектное и многоплановое. Она не несет заранее определенного ценностного содержания, а служит лишь механизмом распростра-

нения информации убеждающего воздействия в интерпретации и оценках представителей государственной власти.

Кроме пропаганды есть и иные средства в арсенале органов, задействованных в осуществлении идеологической функции государства, например:

- мониторинг обратной связи, реализуемый посредством проведения социологических опросов, статистической работы, работы с обращениями граждан, анализа правоприменительной и судебной практики и т. п.;

- создание действенных механизмов непосредственного участия граждан в правотворчестве. В рамках этого направления проводится всенародное обсуждение законопроектов и значимых государственных инициатив. Сегодня распространена практика размещения проектов нормативных актов на официальных интернет-сайтах правотворческих органов с обеспечением возможности оставления комментариев и подачи предложений. Существует интернет-ресурс для размещения общественных инициатив граждан Российской Федерации и голосования по ним – «Российская общественная инициатива» (РОИ), реализуются региональные правотворческие инициативы и правотворческая инициатива в порядке ст. 26 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»;

- публичная отчетность органов государственной власти и должностных лиц. Указанное средство реализуется в виде прямых линий и больших ежегодных пресс-конференций Президента РФ, ежегодного отчета Правительства РФ в Государственной Думе, отчета губернаторов областей о деятельности правительства региона перед областными законодательными собраниями и т. п.

Среди принудительных средств осуществления идеологической функции государства в первую очередь нужно назвать цензуру. Е.Н. Козинникова справедливо отмечает, что «основными задачами цензуры на разных этапах исторического развития государств оставались регламентация распространяемой в обществе информации, контроль за ней и охрана государственного строя от идей, не способствующих его сохранению и устойчивому развитию» [4, с. 19].

В контексте идеологической функции государства цензура означает осуществление контроля, установление запрета и ограничения на распространение любой информации, выраженной в устной, письменной или символической форме, которая противоречит устоявшимся в государстве и принятым на официальном уровне ценностям и идеологическим установкам.

Цензура чаще всего выступает спутником политико-правовых режимов, нарушающих общепризнанные права, свободы и интересы личности, отсюда – конституционный запрет цензуры как гарантия народовластия.

Между тем безусловный запрет цензуры не идеален с точки зрения обеспечения государственной и общественной безопасности, так как может быть использован во вред населению.

Относительно новым средством принудительного осуществления идеологической функции государства является блокировка интернет-страниц, которая при наличии соответствующих оснований осуществляется Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Основание для принятия решения о блокировке – противоправное содержание интернет-страниц, в том числе распространение материалов экстремистского характера.

Время не стоит на месте, поэтому перечень, содержание, особенности применения тех или иных средств воздействия в контексте идеологической работы будут изменяться. Одни способы потеряют актуальность, другие изменятся, а методы, скорее всего, не поменяются. В диалектическом взаимодействии общества и государства всегда будут появляться проблемы и пути их разрешения, а идеологическая работа вряд ли потеряет свою актуальность.

Таким образом, средствами осуществления идеологической функции государства следует назвать основанные на методах убеждения или принуждения способы или приемы деятельности, имеющие прикладное значение для решения задач государства в идеологической сфере. Такие способы и приемы изменчивы, их выбор зависит от конкретных обстоятельств и условий деятельности государства. С течением времени появляются новые средства, например блокировка интернет-страниц, нарушающих законодательство, трансформируются под новую обстановку традиционные способы воздействия (пропаганда) и теряют актуальность прежние формы работы (например, религиозная инквизиция).

Список источников

1. Денисов А.И. Советское государственное право / А.И. Денисов, М.Г. Кириченко. – Москва : Госюриздат, 1957. – 335 с.
2. Бредихин А.Л. Понятие и содержание идеологической функции государства / А.Л. Бредихин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2021. – № 1. – С. 50–57.
3. Мухаев Р.Т. Политология : учебник для вузов / Р.Т. Мухаев. – 2-е изд. – Москва : Приор-издат, 2003. – 428 с.
4. Козинникова Е.Н. Цензура как предмет полицейско-правовой теории / Е.Н. Козинникова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 1. – С. 18–23.

References

1. Denisov A.I., Kirichenko M.G. Soviet State Law. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1957. 335 p.
2. Bredikhin A.L. The Concept and Content of the Ideological Function of the State. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*, 2021, no. 1, pp. 50–57. (In Russian).
3. Mukhaev R.T. Political Science. 2nd ed. Moscow, Prior-izdat Publ., 2003. 428 p.
4. Kozinnikova E.N. Censorship as a Subject of Police and Legal Theory in the Russian Empire of the Late XIX – early XX Century. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 1, pp. 18–23. (In Russian).

Информация об авторе

Бредихин Алексей Леонидович –
кандидат юридических наук,
доцент кафедры истории
государства и права Санкт-
Петербургского университета
МВД России

Information about the Author

Bredikhin Alexey Leonidovich –
Candidate of Sciences (Law), Assistant
Professor of the Chair of History of
State and Law

Статья поступила в редакцию 13.03.2023; одобрена после рецензирования 19.04.2023; принята к публикации 20.04.2023.

The article was submitted 13.03.2023; approved after reviewing 19.04.2023; accepted for publication 20.04.2023.

Научная статья

УДК 340.115

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2023.18.2

Кулаков Андрей Александрович

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,

kulakov_a.a@list.ru

КОНЦЕПЦИЯ ОБЫДЕННОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу концепции обыденного правосознания в российской юридической науке и соотношению данной категории с другими правовыми явлениями. Обыденное правосознание анализируется как теоретическая концепция и тема эмпирических исследований. Независимо от того, что различным аспектам правосознания уделено значительное внимание в исследованиях, обыденное правосознание в российской юридической науке изучено недостаточно. Воплощенное в привычках и убеждениях, обыденное правосознание представляет субъективное отношение к правовым явлениям, нормам, институтам со стороны обычных граждан. Данный вид правосознания в своей структуре задействует правовую идеологию и правовую культуру. Для формирования положительного отношения к правовым установлениям большое значение придается правовому воспитанию. В статье аргументируется вывод о том, что обыденное правосознание в России принимает крайние формы в силу сложившихся социально-экономических условий, культурного кода и менталитета. Одобряющее восприятие правовых явлений может быть достигнуто посредством переориентации на экономическую и социальную трансформацию с положительным эффектом для обычных граждан, принятия правовых норм, соответствующих интересам граждан, повышения уважения к судебной системе и авторитета правосудия, совершенствования практической реализации правового регулирования.

Ключевые слова: правосознание, обыденное правосознание, правовая идеология, право, сознание, законность, правовая культура, правовое воспитание, правовой нигилизм

Для цитирования: Кулаков А.А. Концепция обыденного правосознания в российской юридической науке / А.А. Кулаков. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2023.18.2 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2023. – № 2. – С. 13–25.

Kulakov Andrey Alexandrovich

Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia, kulakov_a.a@list.ru

THE CONCEPT OF ORDINARY LEGAL CONSCIOUSNESS IN RUSSIAN JURIDICAL SCIENCE

Abstract. The article is devoted to the analysis of the concept of ordinary legal consciousness in Russian legal science and the relationship of this category with other legal phenomena. Ordinary legal consciousness is analysed as a theoretical concept and as a topic of empirical research. Regardless of the fact that considerable attention is paid to various aspects of legal awareness in research, the ordinary legal consciousness in Russian legal science is insufficiently studied. Embodied in habits and beliefs, ordinary legal consciousness represents a subjective attitude to legal phenomena, norms and institutions from ordinary citizens. This type of legal awareness employs legal ideology and legal culture in its structure. A great importance is attached to legal education to develop a positive attitude towards legal provisions. The article comes to the conclusion that ordinary legal consciousness in Russia takes extreme forms due to the prevailing socio-economic conditions, cultural code and mentality. The acceptance of legal phenomena can be achieved through a reorientation towards economic and social transformation with a positive effect for ordinary citizens, the adoption of legal norms appropriate to the interests of citizens, increasing respect for the judicial system and the authority of justice and improving the practical implementation of legal regulation.

Keywords: legal consciousness, ordinary legal consciousness, legal ideology, law, consciousness, legality, legal culture, legal education, legal nihilism

For citation: Kulakov A.A. The Concept of Ordinary Legal Consciousness in Russian Juridical Science. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2023, no. 2, pp. 13–25. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2023.18.2.

Понятие «правосознание» является одной из важнейших научных категорий как для ученых-юристов, так и для широкого круга исследователей – представителей других гуманитарных наук. Это обусловливается тем, что, признавая закон объективной социальной реальностью, невозможно не соглашаться с существованием субъективной реакции людей на нормативные установления, которая и называется правосознанием.

Как теоретическая концепция и тема эмпирических исследований правосознание необходимо для объяснения того, как право сохраняет свою ин-

ституциональную силу на обширных промежутках времени, пространства и при различных показателях эффективности. Поскольку принцип законности незримо проникает в повседневную жизнь, то в тех пространствах, где существует верховенство закона, юридическая власть обычно неоспорима, а если и оспаривается, то исключительно в рамках предусмотренной законом процедуры для разрешения подобных вопросов.

Как известно, право – основной регулятор общественных отношений, участниками которых являются люди, обладающие волей и сознанием. Правотворчество как деятельность специально на то уполномоченных государственных органов, благодаря которой в обществе появляются нормативные правовые акты, тоже связано с сознательной деятельностью людей, а сам закон является продуктом этой деятельности. Далее, процесс реализации закона также зависит от сознательной, волевой деятельности людей. Таким образом, такие понятия, как «право», «правовая культура», «правосознание», «профессиональное юридическое образование», «общее правовое образование и просвещение», «правовое поведение населения и отдельных его граждан», тесно связаны и взаимообусловлены.

В результате реализации регулятивной функции права в повседневной жизни общества устанавливаются те привычки, которые постепенно начинают играть основную роль при выборе тех или иных моделей поведения людей. Сложившийся правовой уклад способствует формированию стереотипных шаблонов поведения и алгоритмов реализации субъективных прав и обязанностей, что делает правовое пространство прозрачным и предсказуемым. В условиях сформированного общественного правосознания социальные процессы протекают более или менее ожидаемо, без необходимости ссылаться, демонстрировать или использовать его сложные процедуры. Вместе с тем следует признать, что правовое регулирование общественной жизни невозможно сделать полным, поскольку невозможно предусмотреть в нормативных предписаниях все обстоятельства и условия, которые могут быть непредсказуемы. Кроме того, сами люди не всегда остаются в рамках юридически санкционированных ожиданий. Как результат, в правовом регулировании возможно появление пробелов, противоречий и столкновений каких-либо правовых норм. Система правосудия допускает оспаривание действующих нормативных актов, в том числе на предмет их конституционности. Однако подобные судебные процессы являются исключением из более рутинного, привычного механизма действия закона.

В самом широком понимании этого слова правосознание представляет собой совокупность идей, принципов, оценок, настроений и чувств, которые возникают у человека по отношению к праву и которые отражают специфику восприятия людьми права и правовых явлений. На наш взгляд, правовое

сознание является когнитивно-оценочным фактором, что связывает его с другими типами и формами осознания реальности бытия. Следует подчеркнуть, что правосознание часто переплетается с моральными взглядами, нормами нравственности и даже религиозными убеждениями. По мнению А.В. Петровской, при исследовании особенностей правосознания как особой формы общественного сознания большое значение следует придавать нравственности, с помощью которой сформированы массово распространенные правовые взгляды [1, с. 12]. Р.Ф. Исмагилов и В.П. Сальников пишут, что «человек подчиняется нормам права и распоряжениям государственной власти не только в силу того, что испытывает на себе принуждающую деятельность последнего. Но прежде всего потому, что право и государство являются для него высшей ценностью, не чуждой самой сущности человека. Следование человека нормам права согласуется с нормами морали. И те и другие обретают власть над человеком, лишь возвышаясь над временными потребностями и страстями так, как абсолют возвышается надо всем относительным и единичным. В таком случае власть норм не подавляет человека, а наоборот, актуализирует и социально окрашивает его внутреннюю свободу» [2, с. 18].

На наш взгляд, необходимо обратить внимание на то, что «свобода – это тогда, когда человек без всякого ущерба для себя и других может что-то делать, когда у него есть возможность выбора. Он свободен тогда, когда зависит только от своих внутренних убеждений, представлений, мировоззрения» [3, с. 120]. Все это, вне всякого сомнения, связано именно с правовым сознанием. Люди воспринимают, оценивают требования действующего законодательства в целом и все правовые явления в частности с точки зрения таких понятий, как «добро» и «зло», «справедливость» и «несправедливость», «совесть», «честь», «достоинство» и т. д., которые, прежде всего, имеют отношение к тому, что называется моральными нормами. Отношение к праву так же часто определяется политическими взглядами. По-другому и быть не может, потому что эти «процессы происходят в том общекультурном пространстве, которое охватывает весь имеющийся социум, включая сознание и поведение не только как абстрактно-теоретические категории, но и как конкретные поступки множества составляющих этот социум людей, корректируемые не только правом, но и культурными традициями» [4, с. 8].

Наиболее важную роль правосознание играет в процессе осуществления законных интересов, прав и обязанностей субъектов права и участников правовых отношений. Правомерность данного явления обуславливается тем, что сознание, представления, житейский опыт и волевые усилия действительно управляют поведением людей, иницируют и регулируют их действия во всех сферах жизни, в том числе и в правовой жизни общества.

Правосознание может быть классифицировано по разным критериям. Традиционными основаниями дифференцирования считаются, во-первых, зависимость от степени и глубины отражения социальной среды (теоретическое и практическое); во-вторых, учет социальных функций правового сознания (правовая идеология и юридическая психология); в-третьих, зависимость от степени отражения социальных отношений (массовое, специализированное и местное); в-четвертых, правосознание делится на социальное, групповое и индивидуальное, основанное на правосознании личности.

Не останавливаясь конкретно на каждой видовой группе, необходимо подчеркнуть, что основу социально-правовой психологии составляют мысли, идеи, настроения, чувства и стремления, в становлении которых особую роль играет социальная среда. Не будет лишним утверждать, что именно от мыслей, идей, настроений, чувств и стремлений, как правило, зависит выбор той или иной модели поведения отдельным субъектом права и даже поведение больших и малых социальных групп. Таким образом, наиболее влиятельным фактором в развитии социально-правовой психологии является само общество.

Рассматривая особенности обыденного правосознания, необходимо обратить внимание на то, что правовое сознание тесно связано с другими формами общественного сознания. При этом нельзя оставить без внимания и то, что на обыденное правосознание сильное влияние оказывают политические взгляды, философские концепции, идеологические теории, религиозные верования и т. д., что говорит о наличии прямой связи и зависимости правового сознания от общей культуры людей. По нашему мнению, особенности обыденного правосознания в основном определяются спецификой исторического развития человечества. Например, было время, когда работорговля воспринималась как само собой разумеющееся явление и обеспечивалась поддержкой государства и существующих в нем законов. Однако события и демократические преобразования, которые произошли в XX в., способствовали появлению в общественном сознании и в общественном правосознании общих представлений о свободе, равенстве, справедливости, человечности и т. д.

На наш взгляд, необходимо обратить внимание на то, что если обыденно-массовое правосознание отражает отношение к праву больших социальных групп, классов и народов, то специализированное правосознание – это правосознание более узкой группы людей, к примеру, представителей юридической профессии. Как правило, юристы обладают высокоразвитым чувством справедливости, уважения к закону и безоговорочно подчиняются установленным правовым нормам. Одновременно с этим существует опасность того, что другие формы сознания юриста будут подвержены определенной деформации. В результате юристы могут рассматривать все социальные вопросы исключительно через юридическую призму, что может при-

вести к выработке стандартизированных мнений, развитию застойных стереотипов и профессиональному искажению.

Традиционная трактовка понятия обыденного правосознания сводится к постулированию данной категории как элемента духовно-интеллектуальной сферы социума в конкретных и при этом разнонаправленных условиях. Такой позиции придерживаются В.В. Беденков и Л.А. Мукова, указывающие на духовное начало в праве [5, с. 11–17].

Обыденное правосознание большинство авторов, среди которых А.А. Васильев и В.В. Сорокин [6, с. 25], В.В. Беденков [7], исследуют через призму правового воспитания, что представляется оправданным, ибо правосознание человека свидетельствует об уровне его общекультурного развития и гражданственности. А.А. Бондарев, исследуя особенности обыденного правосознания, основной упор делает на взаимную связь обыденного сознания с правомерным поведением субъектов права [8, с. 296].

Значительная часть исследователей обыденного правосознания выделяют такие его свойства, как повседневность, массовость, непрофессиональность, обыденность. Рассматривая особенности обыденного правосознания, В.К. Самигуллин пишет: «бытует мнение, что обыденное правосознание, по сравнению с профессиональным или научным правосознанием, является низким, ущербным, ложным. Едва ли с этим можно согласиться. Скорее всего, обыденное правосознание просто иное, нежели профессиональное или научное правосознание. Отличие его проявляется в том, что обыденное правосознание складывается стихийно под влиянием реальных условий жизни конкретных людей. Здесь велико значение личного опыта, разнообразных правовых сведений, усваиваемых населением различными, порой самыми невероятными путями и способами. Словом, обыденное правосознание – совокупность эмпирических сведений, представлений и знаний о праве и о его действии, складывающихся стихийно» [9, с. 64]. Действительно, «человек обычно живет, подчиняясь своим привычкам, точно так же, как живут по привычке и другие, находящиеся рядом с ним люди, не задумываясь о том, соответствуют ли его поступки требованиям действующего законодательства» [10, с. 18].

В.В. Беденков, анализируя особенности обыденного правосознания, определяет его как комплекс правовых взглядов, используя терминологическое сочетание «духовно-интеллектуальная сфера» по отношению к соответствующим взглядам [5, с. 13]. Исследователь подчеркивает повседневность подобных воззрений на правовые явления, что является широко распространенной точкой зрения на предмет исследования [11, с. 9–16].

Однако к некоторым положениям, которые высказывает В.В. Беденков, стоит отнестись критически. Так, автор пишет, что «обыденное правосознание раскрывает механизм действия права» [11, с. 9–16], поскольку ме-

ханизм действия права реализуется в комплексном сочетании правовых инструментов, предписаний, принципов, установлений. Механизм действия права предназначен оказывать вполне определенное влияние на субъектов правового отношения. Однако обыденное правосознание скорее отражает психологическую подоплеку механизма действия права, ввиду того что считается субъективированной категорией, в которой отражается внутреннее восприятие, понимание и оценка права и закона, институтов государственной власти.

Раскрывая содержательную часть обыденного правосознания, Р.С. Волостных акцентирует внимание на преобладании и доминанте стереотипных представлений в ряду идей и воззрений исследуемого типа правосознания [12, с. 63].

На сегодняшний день в структуре правосознания выделяют такие составляющие, как правовая идеология, юридическая психология и поведенческие элементы. Среди них, как правило, в первую очередь выделяется правовая идеология, которая является важнейшим элементом правового сознания. Идеологический элемент фактически порождает большое количество форм правовой рефлексии, поскольку сочетает в себе множество специфических понятий, концепций, идей, взглядов на право и на все то, что связано с правом.

Другой элемент правосознания – правовая психология – связан с непосредственным познанием права и правовых явлений с помощью чувств, эмоций и представлений, а в отдельных случаях – с наличием определенного опыта людей, который связан с решением их проблем с помощью правовых средств. В то же время нужно признаться в том, что психологическая составляющая правосознания ассоциируется с предвзятостью и контрлогичностью.

Третьим структурным элементом правосознания, безусловно, являются поведенческие элементы, которые представляют собой реакцию человека после фактического осознания и обработки информации. Большинство поведенческих элементов основано на эмоциях, мотивах, чувствах и внутренних установках, которые появляются в результате психологического и ментального восприятия информации. Согласно позиции В.А. Чефранова в компонентах понятия правосознания выделяются психологические формы, которым коррелируют определенные идеи правового характера, в которых заложен и отражается общественный уклад [13, с. 78].

Традиционная точка зрения в юридической литературе отстаивает взаимосвязь правовой идеологии и обыденного правосознания [12, с. 63]. Правовую идеологию следует определить как систему принципов, основанных на правовых идеях, теориях и взглядах той или иной социальной группы.

Основными характеристиками правовой идеологии являются, во-первых, систематическое выражение интересов социальной группой в сообществе; во-вторых, разработка идеологами определенной группы; в-третьих, стремление реализовать свои возможности через массовое правосознание; в-четвертых, использование правовой идеологии в практической юридической деятельности конкретной группы.

Правовая психология скорее демонстрирует специфику мыслительно-когнитивной деятельности человека в сфере правоприменения и правореализации, которая дифференцирует совокупность точек зрения различных социальных и профессиональных групп, освещает деформацию правосознания. Юридическая психология учитывает и различные, в том числе крайние, степени отступления от нормального восприятия права. Особо следует остановиться на правовом нигилизме в обыденном правосознании, что является заметным индикатором негативного правового климата общества. Правовой нигилизм представляет собой особое мировоззренческое убеждение, которое ставит под сомнение или вовсе отрицает общепринятые правовые и ценностные ориентиры и идеалы.

Следует также отметить взаимосвязь и взаимообусловленность правосознания и правовой культуры. Содержание и структура этих явлений очень часто отождествляются. На наш взгляд, мнение об их идентичности ошибочно, ибо правовая культура представляется более обширной.

Формирование обыденного правосознания напрямую зависит от уровня правовой культуры в обществе. А.В. Биряева и И.А. Торилова полагают, что именно правовая культура является показателем цивилизованности общества [14, с. 151]. Охватывая всю совокупность материальных и духовных ценностей, которые являются результатом человеческой деятельности в течение всего исторического периода, правовая культура предполагает достаточное понимание закона и правовых норм как гражданами, так и профессиональными субъектами. Считается, что правовая культура подразумевает правовую грамотность, умение и навыки использования закона в повседневной жизни, атмосферу законопослушания и субъективное желание соблюдать законы, складывающееся в устойчивые привычки.

Правовая культура в ее самом общем смысле является одним из способов описания относительно стабильных моделей юридически ориентированного социального поведения и установок. Элементами правовой культуры являются: отношение к верховенству закона, включающее убеждения о важности соблюдения законов, роли правовой системы в обществе и взаимоотношениях между гражданами и государством; правовая традиция, относящаяся к историческим и культурным факторам, которые формируют подход общества к праву и справедливости; правовые нормы и ценности, а

именно общие убеждения и ценности, которые формируют подход общества к закону и справедливости, такие как важность прав человека, верховенство закона и равенство перед законом. Рассматривая правовую культуру в контексте обыденного правосознания, следует подчеркнуть значение формирующегося общественного мнения, которое отражает отношение граждан к правовой системе и их готовность взаимодействовать с ней.

Правовая культура относится к общим ценностям, верованиям и нормам, которые формируют подход общества к праву и справедливости, включая отношение к роли правовой системы, отношениям между гражданами и государством и профессии юриста. Правовая культура может сильно различаться в разных странах и регионах и может меняться с течением времени в рамках данного общества. На это также могут влиять такие факторы, как история, политическая система, экономическое развитие и уровень социального доверия.

Анализируя правосознание с точки зрения правовой культуры, следует остановиться на такой его крайне негативной форме проявления, как правовой нигилизм. Суть правового нигилизма заключается, с одной стороны, в отрицательном отношении к закону, с другой стороны, в неуважительном отношении к праву в целом, что скорее нас приводит к выводу о том, что те, кто склонен к правовому нигилизму, вряд ли будут положительно настроены по отношению к соблюдению закона.

Правовой нигилизм как форма обыденного правосознания сводится к отрицанию права как социальной ценности и проявляется в негативном отношении к законам, установленному порядку. Приверженность правовому нигилизму ассоциируется со следующими проявлениями: массовое пренебрежение законами и любыми правовыми установлениями; умышленное нарушение требований законодательства; признание целесообразности выхода за рамки законности; конфронтация исполнительных и представительных органов; игнорирование прав человека; нигилизм, проявляющийся на теоретическом уровне, к примеру, в работе юристов, в научном сообществе.

При этом негативное воздействие оказывает как активный правовой нигилизм, который выражается в агрессивном отношении к правовым нормам, так и пассивный, который обычно проявляется в безразличном отношении к правовым законам, когда человек может недооценивать их социальную значимость.

Чаще всего причины правового нигилизма тесно связаны с недоверием власти. Источником недоверия часто является безнаказанность должностных лиц, ошибки правосудия, расхождение существующей реальности с юридическими документами. Кроме того, недоверие может возникнуть из-за несовершенства законов, неспособности властей справиться с преступно-

стью и защитить граждан от произвола. Стоит помнить, что незаконные действия могут быть совершены органами, ответственными за оформление юридических документов. При этом правовой нигилизм характерен как для отдельного гражданина, так и для общества в целом.

Правовой нигилизм возникает при определенном негативном состоянии общества, что наиболее заметно демонстрируется в постсоветский период, когда отрицательное отношение к российской государственности и закону на протяжении многих лет было обычным явлением. Установлено: чтобы бороться с негативным отношением к праву и законности в конкретном государстве, необходимо начать с фундаментальных вопросов, а именно с проведения различных экономических и социальных реформ, приведения правовых норм в соответствие с интересами граждан, повышения уважения к судебной системе, повышения авторитета правосудия, совершенствования практической реализации правового регулирования.

Неуважение к закону, лежащее в основе правового нигилизма, долгое время изображалось как неотъемлемый элемент российской политической культуры. Дискуссии о причинах правового нигилизма в постсоветской российской прессе продолжают подчеркивать роль государства в устойчивости этого явления. Однако за последнее десятилетие, и в особенности за последний год, уровень доверия власти значительно вырос, о чем свидетельствует высокий рейтинг доверия Президенту РФ В. Путину среди населения¹.

При этом в российском обществе отмечается парадоксальная ситуация, когда при высоком уровне доверия президенту в целом констатируется невысокая степень доверия органам исполнительной власти и иным должностным лицам. Так, поддерживают и одобрительно относятся к деятельности партии «Единая Россия» только 37,6 % респондентов². Объясняется такая позиция в первую очередь внутренними факторами. В то же время слабый рост, а иногда и падение доверия к институциональным учреждениям связывается с отсутствием удовлетворенности работой конкретных должностных лиц, убежденностью в высоком уровне коррупции на различных уровнях государственной власти.

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что категории правосознания посвящено немало исследований в отечественной и зарубежной литературе. Вместе с тем доктринальных разработок в области изучения обыденного пра-

¹ Рейтинг доверия политикам, оценки деятельности государственных институтов, отношения к партиям по состоянию на 23 апреля 2023 г. [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reitingi-doverija-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partii-28042023> (дата обращения: 25.04.2023).

² Там же.

восознания обнаружить не удалось, а публикации на указанную тематику в основном носят фрагментарный и разрозненный характер. В то же время следует подчеркнуть важность изучения обыденного правосознания в качестве широко распространенной и устойчивой совокупности представлений и взглядов людей на правовые категории и нормы, поскольку именно обыденное правосознание является индикатором эффективности права в определенном публично-правовом образовании в частности и в обществе в целом.

Список источников

1. Петровская А.В. Сущность и содержание идеи правового закона : автореф. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А.В. Петровская. – Москва, 2007. – 24 с.
2. Исмагилов Р.Ф. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели. (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX–XXI вв.) / Р.Ф. Исмагилов, В.П. Сальников. – Санкт-Петербург : Фонд «Университет», 2017. – 324 с.
3. Галиев Ф.Х. Правовая культура в условиях правового государства / Ф.Х. Галиев // Правовое государство: проблемы понимания и реализации : сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию журнала «Правовое государство: теория и практика» (Уфа, 16–17 апреля 2015 г.) : в 2 ч. / отв. ред. Ф.Х. Галиев. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2015. – Ч. 1. – С. 114–122.
4. Галиев Ф.Х. Правовая культура и культурные традиции: сущностно-содержательное взаимодействие / Ф.Х. Галиев // Правовое государство: теория и практика. – 2009. – № 4 (18). – С. 8–9.
5. Беденков В.В. О формировании обыденного правосознания и путях его укрепления в современных социумах России и Болгарии / В.В. Беденков, Л.А. Мукова // Юрислингвистика. – 2022. – № 23. – С. 11–17.
6. Концепция правового воспитания российского общества / Р.В. Насыров, И.Н. Васев, О.Г. Моисеева и др. ; под ред. А.А. Васильева, В.В. Сорокина. – Барнаул, 2014. – 272 с.
7. Беденков В.В. Понятие и структура обыденного правосознания / В.В. Беденков // Известия Алтайского государственного университета. – 2016. – № 3 (91). – С. 23–27.
8. Бондарев А.А. Правосознание в механизме правового поведения субъектов правоотношений / А.А. Бондарев // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2015. – № 3. – С. 296–298.
9. Самигуллин В.К. Правосознание: корень добра и справедливости / В.К. Самигуллин. – 2-е изд., перераб. и испр. – Уфа : Диалог, 2011. – 180 с.

10. Галиев Ф.Х. Соционормативность правового поведения и правовая культура / Ф.Х. Галиев // Факторы формирования государственно-правовой реальности : монография / под ред. А.В. Петрова. – Москва : Проспект, 2021. – С. 18–26.

11. Беденков В.В. Генезис научных представлений о правовом воспитании обыденного правосознания российского общества / В.В. Беденков // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 4. – С. 9–16.

12. Волостных Р.С. Взаимосвязь правовой идеологии и обыденного правосознания / Р.С. Волостных // Аграрное и земельное право. – 2016. – № 6 (138). – С. 63–65.

13. Чефранов В.А. Правовое сознание как разновидность социального отражения. Философско-методологический очерк / В.А. Чефранов. – Киев, 1976. – 210 с.

14. Биряева А.В. Правовая культура в становлении правового государства в современной России / А.В. Биряева, И.А. Торилова // Проблемы формирования правового государства в России : материалы Международной научно-практической конференции. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2013. – С. 148–152.

References

1. Petrovskaya A.V. Essence and Content of the Idea of Legal Law. Cand. Diss. Theses. Moscow, 2007. 24 p.

2. Ismagilov R.F., Sal'nikov V.P. Law and Justice: Historical Traditions and Modern Models. (Historical and Legal Analysis of the Theoretical Studies of Topical Issues on the Idea of Law and Justice in the Ideas of the XX–XXI Centuries). Saint Petersburg, Fund «University», 2017. 324 p.

3. Galiev F.Kh. Legal Culture in a Rule-of-Law State. *Galiev F.Kh. (ed.). Rule-of-Law State: Problems of Understanding and Implementation: Collection of Articles of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 10th Anniversary of the Journal «The Rule-of-Law State: Theory and Practice» (Ufa, April 16–17, 2015)*. Bashkir State University Publ., 2015. Pt. 1, pp. 114–122. (In Russian).

4. Galiev F.Kh. Legal Culture and Cultural Traditions: Essential and Substantial Interaction. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2009, no. 4 (18), pp. 8–9. (In Russian).

5. Bedenkov V.V., Mukova L.A. On the Formation of Common Legal Consciousness and Ways of its Strengthening in the Modern Society of Russia and Bulgaria. *Yurislingvistika = Legal Linguistics*, 2022, no. 23, pp. 11–17. (In Russian).

6. Nasyrov R.V., Vasev I.N., Moiseeva O.G. et al.; Vasilyev A.A., Sorokin V.V. (eds.). *The Concept of Legal Education of the Russian Society*. Barnaul, 2014. 272 p.
7. Bedenkov V.V. The Concept and Structure of Ordinary Sense of Justice. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta = Izvestiya of Altai State University*, 2016, no. 3 (91), pp. 23–27. (In Russian).
8. Bondarev A.A. The Sense of Justice in the Mechanism of Legal Behaviour of Legal Entities. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific Notes of Orel State University*, 2015, no. 3, pp. 296–298. (In Russian).
9. Samigullin V.K. *Legal Consciousness: The Root of Good and Justice* – Ufa : Dialogue, 2011. – 180 p.
10. Galiev F.Kh. Socionormativity of Legal Behavior and Legal Culture. *Petrov A.V. (ed.). Factors of State-Legal Reality*. Moscow, Prospekt Publ., 2021, pp. 18–26. (In Russian).
11. Bedenkov V.V. The Genesis of Scientific Concepts of Legal Education of the Ordinary Legal Consciousness in the Russian Society. *Vestnik yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta = Bulletin of the Law Faculty, SFDU*, 2022, vol. 9, no. 4, pp. 9–16. (In Russian).
12. Volostnyh R.S. The Interrelation between Legal Ideology and Ordinary Legal Consciousness. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and Land Law*, 2016, no. 6 (138), pp. 63–65. (In Russian).
13. Chefranov V.A. *Legal Consciousness as a Kind of Social Reflection. Philosophical and Methodological Essay*. Kyiv, 1976. 210 p.
14. Biryayeva A.V., Torilova I.A. Legal Culture in the Formation of Rule-of-Law State in Modern Russia. *Problems of the Rule-of-Law State Formation in Russia. Materials of the International Scientific and Practical Conference*. Bashkir State University Publ., 2013, pp. 148–152. (In Russian).

Информация об авторе

Кулаков Андрей Александрович –
аспирант кафедры теории
государства и права Института
права

Information about the Author

Kulakov Andrey Alexandrovich –
Postgraduate Student of the Chair
of Theory of State and Law, Institute
of Law

Статья поступила в редакцию 10.04.2023; одобрена после рецензирования 16.05.2023; принята к публикации 17.05.2023.

The article was submitted 10.04.2023; approved after reviewing 16.05.2023; accepted for publication 17.05.2023.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО, СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

CIVIL LAW; BUSINESS LAW; FAMILY LAW; PRIVATE INTERNATIONAL LAW

Научная статья

УДК 346.6 + 346.7

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2023.18.3

Дзюба Анатолий Петрович

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия,

dzyuba-a@yandex.ru

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СТИМУЛИРОВАНИЯ СОЗДАНИЯ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ В ОБЛАСТИ ВОЗОБНОВЛЯЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГИИ В РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию нормативно-правовых актов Российской Федерации, регулирующих процессы создания и развития возобновляемых источников энергии (далее – ВИЭ). Оно затрагивает широкий круг вопросов: порядок софинансирования проектов в области ВИЭ; порядок определения происхождения комплектующих для проектов, претендующих на получение субсидирования в виде государственной поддержки; механизм включения объектов производства электроэнергии, действующих на основе технологий ВИЭ, в специализированный реестр; софинансирование затрат на технологическое присоединение объектов производства электроэнергии, действующих на основе технологий ВИЭ; порядок реализации электроэнергии (мощности) на розничном и оптовом рынках генерирующими объектами ВИЭ и пр. По результатам исследования выделены отдельные этапы развития законодательства в области регулирования деятельности в электроэнергетике России за 2003–2022 гг. Частота ввода изменений в законодательство, регулирующее общественные отношения в электроэнергетике, свидетельствует о гибкости нормативно-правового регулирования этой области общественных отношений, что позволяет устра-

нять существующие пробелы для развития отрасли. Несмотря на необходимость усовершенствования, существующие нормативные основы создают благоприятные возможности для строительства и эксплуатации объектов производства электроэнергии, действующих на основе технологий источников ВИЭ, и технологического развития электроэнергетики России в целом.

Ключевые слова: нормативно-правовое регулирование в энергетике, энергетическое право, возобновляемые источники энергии, энергетическое законодательство России

Для цитирования: Дзюба А.П. Нормативно-правовое регулирование стимулирования создания инвестиционных проектов в области возобновляемых источников энергии в России / А.П. Дзюба. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2023.18.3 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2023. – № 2. – С. 26–40.

Original article

Dzyuba Anatoly Petrovich

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia, dzyuba-a@yandex.ru

LEGAL AND REGULATORY FRAMEWORK FOR STIMULATING THE CREATION OF INVESTMENT PROJECTS IN THE FIELD OF RENEWABLE ENERGY IN RUSSIA

Abstract. The article is devoted to the study of regulatory legal acts of the Russian Federation that regulate the processes of creation and development of renewable energy sources. It covers a wide range of issues: the procedure for co-financing projects in the field of renewable energy; procedure for determining the origin of project components, applying for subsidies in the form of state support; a mechanism for including electricity production facilities operating on the basis of renewable energy technologies in a specialized register; co-financing of costs for technological connection of electricity generation facilities operating on the basis of renewable energy technologies; the procedure for the sale of electricity in the retail and wholesale markets by renewable energy generating facilities, etc. Based on the results of the study, certain stages in the legislation development in the field of regulation of activities in the electric power industry of Russia for 2003–2022 were identified. The frequency of changes in the legislation governing public relations in the electricity industry demonstrates the flexibility of the regulatory framework in this area of public relations, which makes it possi-

ble to close existing gaps for the development of the industry. Despite the need to improve the existing regulatory framework creates favorable opportunities for the construction and operation of electricity generation facilities based on renewable energy technologies, and technological development of the Russian electric power industry as a whole.

Keywords: legal and regulatory framework in energy, energy law, renewable energy sources, Russian energy legislation

For citation: Dzyuba A.P. Legal and Regulatory Framework for Stimulating the Creation of Investment Projects in the Field of Renewable Energy in Russia. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2023, no. 2, pp. 26–40. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2023.18.3.

За последние 15 лет российское законодательство в области электроэнергетики претерпело существенные изменения, которые привели к развитию нормативной правовой базы, регулирующей механизмы обращения электрической энергии, совершенствованию нормативного правового взаимодействия между субъектами электроэнергетики, развитию законодательных механизмов привлечения инвестиций в модернизацию электроэнергетической инфраструктуры, энергосбережения и повышение энергетической эффективности и т. д.¹

Предпосылками совершенствования законодательства в области электроэнергетики стала реформа Российского акционерного общества электроэнергетики и электрификации «Единая энергетическая система России» (далее – РАО «ЕЭС России»). Оно выполняло функции по обеспечению полного

¹ Об электроэнергетике : Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/law/podborki/vozobnovlyаемые_источники_энергии/ (дата обращения: 15.02.2023) ; О схемах и программах перспективного развития электроэнергетики : Постановление Правительства РФ от 17.10.2009 № 823 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/law/> (дата обращения: 15.02.2023) ; О ценообразовании в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике : Постановление Правительства РФ от 29.12.2011 № 1178 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 4, ст. 504 ; О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии : Постановление Правительства РФ от 04.05.2012 № 442 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/law/> (дата обращения: 15.02.2023) ; Об утверждении правил оптового рынка электрической энергии и мощности и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам организации функционирования оптового рынка электрической энергии и мощности : Постановление Правительства РФ от 27.12.2010 № 1172 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/law/> (дата обращения: 15.02.2023).

цикла энергоснабжения потребителей как электрической, так и тепловой энергии, основные из которых:

- выработка электрической и тепловой энергии на электростанциях;
- передача и распределение энергоресурсов по магистральным и распределительным сетям;
- сбыт энергоресурсов, обеспечение договорной деятельности с конечными потребителями и сбор платежей с потребителей энергоресурсов;
- оперативно-диспетчерское управление режимами работы электроэнергетической системы;
- проведение текущих и капитальных ремонтов сложного электроэнергетического оборудования энергосистемы силами собственных энергоремонтных центров;
- осуществление научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок в рамках собственных проектных институтов и учреждений науки.

В соответствии с Федеральным законом от 19 июня 1995 г. № 147-ФЗ «О естественных монополиях» цены на деятельность РАО «ЕЭС России» были регулируемы и устанавливались Федеральной службой по тарифам (далее – ФСТ) методом, основанным на принципе компенсации всех требуемых расходов. Следует отметить, что одним из элементов совершенствования законодательства в области электроэнергетики, о котором пойдет речь далее, явилось упразднение структуры ФСТ, которая существовала с 2004 по 2015 г. Ее функции, касающиеся установления цен (тарифов) для субъектов естественных монополий и последующего контроля деятельности, связанной с применением цен такими субъектами, были переданы в Федеральную антимонопольную службу России.

Рост реального сектора экономики после кризиса 1998 г. определил необходимость совершенствования инфраструктурных отраслей экономики, которые по темпам развития должны были на несколько шагов опережать уровень развития основных отраслей и тем самым обеспечивать возможность для роста и развития промышленности, транспорта, строительства, жилищно-коммунального сектора, не создавая инфраструктурных барьеров.

Основой для ввода изменений стало принятие двух основополагающих нормативно-правовых актов – Федерального закона от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» (далее – Федеральный закон № 35) и Федерального закона от 26 марта 2003 г. № 36-ФЗ «Об особенностях функционирования электроэнергетики в переходный период и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации

в связи с принятием Федерального закона "Об электроэнергетике"» (далее – Федеральный закон № 36)¹.

Федеральным законом № 35 впервые были отрегулированы правовые основы в области экономических отношений и определены полномочия органов государственной власти Российской Федерации по регулированию данных отношений, основные права и обязанности субъектов электроэнергетики (в том числе производство и потребление электрической и тепловой энергии), положено начало реформированию электроэнергетики: дан старт разделению филиалов, входящих в РАО «ЕЭС России», на отдельные компании по видам экономической деятельности и созданию оптового рынка электрической энергии. Таким образом, Федеральный закон № 35 обозначил состав отдельных субъектов, действующих в электроэнергетике, и заложил основу принципиально новых экономических принципов и условий взаимоотношений между указанными субъектами.

Федеральный закон № 36 регулировал общественные отношения в переходный период реформирования электроэнергетики, закреплял порядок реорганизации РАО «ЕЭС России», перераспределения акционерного капитала общества, в том числе решение о его реорганизации и ее форме, порядок формирования имущества обществ, создаваемых в результате реорганизации РАО «ЕЭС России» [1]. Переходный период был определен до 1 июля 2008 г. В том же году прекратило свое существование РАО «ЕЭС России», все активы которого были либо переданы в частные компании (ОАО «Э.ОН Россия», ПАО «Фортум», ПАО «Квадра», ПАО «Т-Плюс»), либо перераспределены во вновь созданные компании (ПАО «Русгидро», ПАО «Россети»), блокирующий пакет акций которых находится в государственной собственности.

Реформирование электроэнергетики в 2003 г. стало отправной точкой интенсивного процесса постоянного совершенствования нормативно-правовой базы в этой области. При этом процессы развития можно разделить на 8 основных этапов, каждый последующий из которых основывается на развитии этапа предшествующего.

На рисунке представлена схема этапов развития законодательства в области регулирования деятельности электроэнергетики в России, а также предпосылки создания каждого последующего этапа.

¹ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=144656;div=LAW;mb=LAW;opt=1;ts=70B64161811C306D4DD335B9F1F18BB8;rnd=0.06704049813561141#p2B2b2TkotFi7VE8> (дата обращения: 15.02.2023).

Схема этапов развития законодательства в области регулирования деятельности в электроэнергетике России

Как следует из представленной последовательности этапов, развитию нормативно-правовых механизмов ввода ВИЭ в российскую электроэнергетику начали уделять внимание лишь в 2014–2019 гг., после пройденных этапов развития конкурентных механизмов взаимодействия между субъектами электроэнергетики, развития оптового и розничного рынков электроэнергии, создания законодательства в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности.

Нормативно-правовое регулирование деятельности по стимулированию строительства и эксплуатации объектов производства электроэнергии, действующих на основе технологий ВИЭ, основывается на правовых нормах, закрепленных в Федеральном законе № 35 [2].

Прежде всего, следует остановиться на юридических терминах, обозначающих ВИЭ.

В отечественном законодательстве существует термин «объекты энергетики». Согласно ст. 3 Федерального закона № 35 под объектами электроэнергетики понимаются: имущественные объекты, непосредственно используемые в процессе производства, передачи электрической энергии, оперативно-диспетчерского управления в электроэнергетике и сбыта электрической энергии, в том числе электросетевого хозяйства [3; 4]. Также существует термин «объект электросетевого хозяйства» (ст. 3 Федерального закона № 35) – линии электропередачи, трансформаторные и иные подстанции, распределительные пункты и иное предназначенное для обеспечения электрических связей и осуществления передачи электрической энергии оборудование.

Особенности законодательного регулирования строительства и эксплуатации объектов производства электроэнергии, действующих на основе технологий ВИЭ, установлены Постановлением Правительства РФ от 3 июня 2008 г. № 426 «О квалификации генерирующего объекта, функционирующего на основе использования возобновляемых источников энергии», которое в том числе регулирует «Правила квалификации генерирующего объекта, функционирующего на основе использования возобновляемых источников энергии». При этом в указанном постановлении не дано определение терминов «возобновляемые источники энергии» и «генерирующий объект», но представлены критерии, которые позволяют квалифицировать генерирующие объекты:

- 1) исполнение целевых показателей объема производства и потребления электрической энергии с использованием технологий ВИЭ [5];

- 2) исполнение целевых показателей доли производства на территории Российской Федерации основного или вспомогательного генерирующего

оборудования, вырабатывающего электроэнергию на основе технологий ВИЭ (степень локализации)¹.

Поскольку вопросы использования ВИЭ в России все более актуализируются, в настоящее время обсуждаются новые нормативные изменения законодательства. С 2018 г. обсуждается новый проект постановления Правительства РФ «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам стимулирования использования торфа в качестве топлива для объектов по производству электрической энергии». Проект представлен на утверждение Министерством энергетики РФ и в большей степени посвящен вопросам использования биотоплива в России, в первую очередь в работе электростанций, действующих на основе сжигания торфа – одного из ВИЭ.

В п. 3 указанного проекта постановления уточняется статус генерирующего объекта, действующего на основе использования ВИЭ в качестве квалифицированного, а именно:

1) объекты по производству электроэнергии функционируют на основе использования исключительно ВИЭ или в режиме комбинированного использования ВИЭ и иных видов топлива и осуществляют выработку электрической энергии или комбинированную выработку электрической и тепловой энергии;

2) объекты по производству электроэнергии находятся в эксплуатации (введен в эксплуатацию и не выведен из ремонта или эксплуатации);

3) объекты по производству электроэнергии в установленном порядке присоединены к электрическим сетям сетевой организации, то есть выполнены нормативные требования, установленные Постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 861 «Об утверждении Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам по оперативно-диспетчерскому управлению в электроэнергетике и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам администратора торговой системы оптового рынка и оказания этих услуг и Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также

¹ Об основных направлениях государственной политики в сфере повышения энергетической эффективности электроэнергетики на основе использования возобновляемых источников энергии на период до 2035 года : Распоряжение Правительства РФ от 08.01.2009 № 1-р [Электронный ресурс]. URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&ts=IV7K8HT2zaVOxGWz&cacheid=6284E90C9491F67D5336A31BD22DCF9E&mode=splus&rnd=1eV51g&base=LAW&n=412591#x2FK8HTk78oISDV1> (дата обращения: 19.03.2023).

объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям»;

4) для субъектов оптового рынка объекты по производству электроэнергии оснащены средствами измерений (приборами учета) объемов производства (потребления) электрической энергии, соответствующими требованиям Правил оптового рынка электрической энергии и мощности, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2010 г. № 1172, а для субъектов розничных рынков электрической энергии – утвержденных Постановлением Правительства РФ от 4 мая 2012 г. № 442;

5) объекты по производству электроэнергии функционируют в режиме комбинированного использования различных видов топлива (один или более из которых признается ВИЭ) и оснащены приборами учета используемого топлива, позволяющими определить объем использования каждого вида топлива для производства электрической энергии, соответствующими требованиям законодательства Российской Федерации об обеспечении единства измерений;

6) объекты по производству электроэнергии включены в схему и программу перспективного развития электроэнергетики субъекта Российской Федерации, на территории которого расположен генерирующий объект.

Также предлагается внести изменения в области видов топлива, используемых генерирующими объектами, функционирующими на основе использования технологий ВИЭ (приложение № 5 к указанному проекту постановления Правительства РФ):

- объекты по производству электроэнергии, функционирующие на основе использования биомассы, включая специально выращенные для получения энергии растения, в том числе деревья;

- объекты по производству электроэнергии, функционирующие на основе использования биогаза;

- объекты по производству электроэнергии, функционирующие на основе использования газа, выделяемого отходами производства и потребления на свалках таких отходов;

- объекты по производству электроэнергии, функционирующие на основе использования газа, образующегося на угольных разработках;

- объекты по производству электроэнергии, функционирующие на основе использования отходов производства и потребления, за исключением отходов, полученных в процессе использования углеводородного сырья и топлива: со степенью локализации менее 55 % и со степенью локализации не менее 55 %.

Ключевой особенностью правового режима создания и использования ВИЭ в России является необходимость участия в конкурентном отборе по включению такого объекта в схему развития электроэнергетики, составляемую для каждого региона.

Нормативный перечень утвержденных критериев для отнесения объектов производства электроэнергии, действующих на основе технологий ВИЭ, имеет исчерпывающий характер.

Учитывая необходимость постоянного совершенствования нормативной базы в области создания и развития ВИЭ, в настоящий момент на рассмотрении находится еще один проект постановления Правительства РФ «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам стимулирования использования возобновляемых источников энергии». Указанный документ также подготовлен Министерством энергетики РФ. Основным изменением, предлагаемым указанным постановлением, является совершенствование регулирования порядка включения и исключения генерирующих объектов из реестра квалифицированных генерирующих объектов.

Как известно, стоимость электроэнергии, производимой объектами, действующими на основе технологий ВИЭ, выше, чем стоимость электроэнергии, производимой на основе традиционных источников энергии [6]. Для развития технологий создания и использования ВИЭ в России требуется государственная поддержка такой деятельности.

В России предусмотрена нормативная поддержка деятельности по софинансированию создания проектов в области ВИЭ. Постановлением Правительства РФ от 23 сентября 2016 г. № 961 «О порядке предоставления субсидий из федерального бюджета на государственную поддержку технологического присоединения генерирующих объектов, функционирующих на основе использования возобновляемых источников энергии» закреплён порядок предоставления государственной поддержки в области создания объектов производства электроэнергии, действующих на основе технологий ВИЭ¹. Указанное постановление регулирует порядок государственной поддержки создаваемых генерирующих объектов, действующих на основе технологий ВИЭ и торфа, установленная мощность которых составляет не менее 25 МВт. Нормой предусматривается государственная субсидия, величина которой не превышает 15 млн руб., но не более 70 % от общих ин-

¹ О порядке предоставления субсидий из федерального бюджета на государственную поддержку технологического присоединения генерирующих объектов, функционирующих на основе использования возобновляемых источников энергии : Постановление Правительства РФ от 23.09.2016 № 961 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 40, ст. 5743.

вестиционных затрат на создание такого объекта [7]. На получение субсидии могут рассчитывать участники, подавшие заявку в комиссию при Министерстве энергетики РФ и соответствующие критериям отбора для получения таких субсидий.

По нашему мнению, правовое регулирование порядка предоставления финансовой поддержки со стороны государства для строительства и эксплуатации объектов производства электроэнергии, действующих на основе технологий ВИЭ, является значимым фактором для развития таких технологий в электроэнергетике, повышения эффективности энергоснабжения, сокращения затрат на выработку электроэнергии и внедрения передовых инновационных технологий.

Также важнейшей составляющей правового режима в области строительства и эксплуатации объектов производства электроэнергии, действующих на основе технологий ВИЭ, является нормативное регулирование деятельности по технологическому присоединению таких объектов к Единой энергетической системе России.

Нормативный порядок технологического присоединения энергопринимающих устройств и электроустановок к Единой энергетической системе регулируется Постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 861. При этом в действующей редакции указанного нормативного акта порядок технологического присоединения объектов, действующих на основе ВИЭ, к Единой энергетической системе России в настоящий момент не предусматривается, что требует нормативного дополнения.

Отраслевой приказ Министерства энергетики РФ от 29 июля 2011 г. № 316 «Об утверждении схемы размещения генерирующих объектов электроэнергетики на основе использования возобновляемых источников энергии» регулирует правовой режим строительства и эксплуатации объектов производства электроэнергии в части утверждения размещения и функционирования как действующих и реконструируемых систем выработки электроэнергии на основе технологий ВИЭ, так и планируемых к строительству и проектированию.

Функциями регулятора оптового рынка электроэнергии (мощности) – Ассоциацией «Некоммерческое партнерство Совет рынка по организации эффективной системы оптовой и розничной торговли электрической энергией и мощностью» (далее – НП «Совет рынка») – является участие в процессе признания квалификации генерирующих объектов, действующих на основе технологий ВИЭ. При присвоении признака соответствия критериям квалификации генерирующему объекту НП «Совет рынка» подготавливает свое экспертное заключение для Министерства энергетики РФ о возможности включения генерирующего объекта в реестр объектов ВИЭ. При этом отече-

ственное законодательство в области создания и развития ВИЭ в первую очередь направлено на экономическое регулирование деятельности технологий ВИЭ и практически не затрагивает техническую сторону такой деятельности в части требований к оборудованию, применяемому в технологиях ВИЭ (за исключением требований к доле локализации), а также не содержит требований к регулированию безопасности эксплуатации ВИЭ, что необходимо учитывать в процессе совершенствования законодательства в области регулирования ВИЭ.

Таким образом, нормативное правовое регулирование процессов стимулирования создания и использования объектов производства электроэнергии, действующих на основе технологий ВИЭ, охватывает различные направления:

- софинансирование инвестиционных проектов по созданию объектов производства электроэнергии [8; 9];
- территориальную локацию объектов производства электроэнергии;
- требования к производителю комплектующих, используемых при создании объектов производства электроэнергии, претендующих на получение государственной поддержки в виде субсидирования;
- порядок включения объектов производства электроэнергии в реестр таких объектов;
- софинансирование технологического присоединения объектов производства электроэнергии;
- реализация электроэнергии (мощности) на оптовом и розничном рынках электроэнергии объектами производства электроэнергии.

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

- 1) в Российской Федерации создана законодательная база, позволяющая объектам производства электроэнергии, действующим на основе технологий ВИЭ, получать поддержку их деятельности;
- 2) правовое регулирование процессов стимулирования создания и развития технологий ВИЭ в России затрагивает широкий круг аспектов такой деятельности: порядок софинансирования проектов в области ВИЭ; порядок определения происхождения комплектующих для проектов, претендующих на получение субсидирования со стороны государства; порядок включения объектов производства электроэнергии, действующих на основе технологий ВИЭ, в специализированный реестр таких объектов; софинансирование проектов по технологическому присоединению объектов производства электроэнергии, действующих на основе технологий ВИЭ, к Единой энергетической системе; порядок продажи электроэнергии (мощности) в рамках оптового и розничного рынков генерирующими объектами ВИЭ и пр.;

3) российское законодательство в области регулирования электроэнергетики за последние 15 лет существенно совершенствовалось и охватывает все основные сферы деятельности электроэнергетики, в том числе в области создания и использования ВИЭ. Частота вносимых изменений в законодательство, регулирующее общественные отношения в области электроэнергетики, подчеркивает существенную гибкость нормативно-правового регулирования в этой области, что позволяет оперативно устранять существующие пробелы;

4) несмотря на необходимость усовершенствования, существующие нормативные основы создают благоприятный климат для строительства и эксплуатации объектов производства электроэнергии, действующих на основе технологий ВИЭ, и технологического совершенствования электроэнергетики России в целом.

Список источников

1. Целовальников А.Б. Особенности управления в акционерных обществах, созданных в процессе приватизации государственного и муниципального имущества / А.Б. Целовальников // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2007. – № 7. – С. 63–70.

2. Кологерманская Е.М. Правовое регулирование использования возобновляемых источников энергии в Российской Федерации и зарубежных государствах : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.07 / Е.М. Кологерманская. – Москва, 2020. – 369 с.

3. Дзюба А.П. Управление спросом на энергоресурсы в глобальном экономическом пространстве / А.П. Дзюба, И.А. Соловьева. – Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2021. – 260 с.

4. Дзюба А.П. Теория и методология управления спросом на энергоресурсы в промышленности : монография / А.П. Дзюба. – Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2020. – 323 с.

5. Попова Е.Н. Правовые проблемы «степени локализации» генерирующих объектов ВИЭ / Е.Н. Попова, А.А. Соловьев // Окружающая среда и энергосистемы. – 2019. – № 2 (2). – С. 83–87.

6. Попондопуло В.Ф. Возобновляемые источники энергии в электроэнергетике / В.Ф. Попондопуло, О.А. Городов, Д.А. Петров // Энергетическое право. – 2011. – № 1. – С. 23–30.

7. Рубцов Б.Б. «Зеленые финансы» в мире и России : монография / Рубцов Б.Б., Гусева И.А., Ильинский А.И. и др. – Москва, 2016. – 170 с.

8. Ручкина Г.Ф. Качество электроэнергии: проблемы нормативного правового регулирования / Г.Ф. Ручкина. – DOI 10.24411/2072-4098-2018-10125 // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2018. – № 12 (207). – С. 44–52.

9. Ручкина Г.Ф. Противоправные практики на рынке ценных бумаг: к вопросу совершенствования правового регулирования / Г.Ф. Ручкина // Банковское право. – 2022. – № 1. – С. 22–29.

References

1. Tselovalnikov A.B. Features of Management in Joint-Stock Companies Created in the Process of Privatization of State and Municipal Property. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: Experience, Aanalysis, Practice*, 2007, no. 7, pp. 63–70. (In Russian).

2. Kologermanskaya E.M. Legal Regulation of the Use of Renewable Energy Sources in the Russian Federation and Foreign Countries. Cand. Diss. Moscow, 2020. 369 p.

3. Dziuba A.P., Solovyov I.A. Energy Demand Management in the Global Economic Space. South Ural State University Publ., 2021. 260 p.

4. Dziuba A.P. Theory and Methodology of Demand Management for Energy Resources in Industry. South Ural State University Publ., 2020. 323 p.

5. Popova E.N., Solovyov A.A. Legal Problems of the «Degree of Localization» of Renewable Energy Generating Facilities. *Okruzhayushchaya sreda i energovedenie = Journal of Environmental Earth and Energy Study*, 2019, no. 2 (2), pp. 83–87. (In Russian).

6. Popondopulo, V.F., Gorodov O.A., Petrov D.A. Renewable Energy Sources in the Electric Power Industry. *Energeticheskoe pravo = Energy Law*, 2011, no. 1, pp. 23–30. (In Russian).

7. Rubtsov B.B. I.A. Guseva, A.I. Ilyinsky et al. «Green Finance» in the World and Russia. Moscow, 2016. 170 p.

8. Ruchkina G.F. Power Quality: Regulatory Issues. *Imushchestvennyye otnosheniya v Rossijskoj Federacii = Property Relations in the Russian Federation*, 2018, no. 12 (207), pp. 44–52. (In Russian). DOI 10.24411/2072-4098-2018-10125.

9. Ruchkina G.F. Illegal Practices on the Securities Market: on the Improvement of the Legal Regulation. *Bankovskoe pravo = Banking Law*, 2022, no. 1, pp. 22–29. (In Russian).

Информация об авторе

Дзюба Анатолий Петрович –
доктор экономических наук,
старший научный сотрудник
кафедры экономики и финансов

Information about the Author

Dziuba Anatoly Petrovich –
Doctor of Economics, Senior Research
Officer, Chair of Economics and
Finance

Статья поступила в редакцию 01.03.2023; одобрена после рецензирования 29.05.2023; принята к публикации 30.05.2023.

The article was submitted 01.03.2023; approved after reviewing 29.05.2023; accepted for publication 30.05.2023.

Original article

УДК 347.451.031

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2023.18.4

Khazieva Rushana Raufovna^{1, 2}, Yusupova Rosalia Rimovna^{1, 3}

¹Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia

²rushanakhazieva@mail.ru

³rozaliya-yusupova@yandex.ru

INVALID DEALINGS AND THEIR CONSEQUENCES

Abstract. The article reviews and analyzes the scientific views on the different approaches to the definition of the concepts of «transaction» and «invalid transaction». The grounds for invalidation of a transaction due to its nullity or voidability are also analyzed. The authors have come to the conclusion that scientific developments of lawyers and theorists as well as law enforcement practice are to be taken into account to determine the general approach to the definition of the concept of «invalid transaction».

Keywords: transaction, invalidity of the transaction, nullity, voidability, private law, civil rights and obligations

For citation: Khazieva R.R., Yusupova R.R. Invalid Dealings and Their consequences. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2023, no. 2, pp. 41–46. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2023.18.4.

Научная статья

Хазиева Рушана Рауфовна^{1, 2}, Юсупова Розалия Римовна^{1, 3}

¹Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

²rushanakhazieva@mail.ru

³rozaliya-yusupova@yandex.ru

НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ СДЕЛКИ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются и анализируются научные подходы к определению понятий «сделка» и «недействительная сделка», осно-

вания для признания сделки недействительной в силу ее ничтожности или оспоримости. Авторы пришли к выводу, что для выработки общего подхода к определению понятия «недействительная сделка» необходимо учитывать научные разработки практикующих юристов и теоретиков, принимать во внимание правоприменительную практику.

Ключевые слова: сделка, недействительность сделки, ничтожность, оспоримость, частное право, гражданские права и обязанности

Для цитирования: Хазиева Р.Р. Недействительные сделки и их последствия / Р.Р. Хазиева, Р.Р. Юсупова. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2023.18.4 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2023. – № 2. – С. 41–46.

Transactions are an integral part of the life of any person. And within the framework of civil turnover, an important problem at the moment is the protection of the interests and rights of bona fide participants.

In Roman law, the concept of «deal» was originally used in a double sense. In the first case: a transaction is any private law act aimed at establishing, changing or terminating legal relations between subjects of law. In the second, those private-law acts, that met all the requirements of the law were called transactions¹.

In the Civil Code of the Russian Federation (hereinafter – the Civil Code of the Russian Federation)², article 153 provides a legal definition of a transaction. It follows from this article that transactions are actions of citizens and legal entities aimed at establishing, changing or terminating civil rights and obligations. By means of transactions, subjects of civil law establish, change or terminate their civil rights and obligations according to their expressed outside will and in their interest (paragraph 1 of paragraph 2 of article 1 of the Civil Code of the Russian Federation).

For the execution of some transactions, it is necessary and sufficient to express the will of one party (Article 154 of the Civil Code of the Russian Federation). Unilateral transactions include, in particular, the issuance of a power of attorney, will, acceptance of inheritance, rejection of inheritance, issuance of an independent guarantee. As a general rule, a unilateral transaction creates obligations only for the person who made the transaction. Deals, for the conclusion of which it is necessary to express the agreed will of the two parties, are called bila-

¹ Юридические сделки [Электронный ресурс]. URL: https://studme.org/285239/pravo/yuridicheskie_sdelki (дата обращения: 18.04.2023).

² Гражданский кодекс РФ от 30.11.1994 № 51-ФЗ [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 18.04.2023).

teral. Bilateral and multilateral transactions are called contracts, these are agreements between two or more persons on the establishment, change or termination of civil rights and obligations (Article 420 of the Civil Code of the Russian Federation).

In order for the deals to lead to legal consequences, a number of conditions must be met. Firstly, transactions must be made by persons who have transaction capacity, which in turn is an integral part of legal capacity. Secondly, the expression of the will of the person must correspond to his actual will. Thirdly, the will of the person should be formed freely, and also not be under unlawful outside influence. For example, violence, deception or illness, intoxication [1]. And finally, fourthly, the transaction should not contradict any regulatory enactments, i.e. we take into account the legality of its content.

It follows from the above that violation of at least one of the conditions for the validity of transactions may lead to the recognition of the transaction as invalid, unless otherwise provided by law (clause 1 of article 162 of the Civil Code of the Russian Federation).

The very concept of an invalid transaction is not established by law, but developed only in the theory of law. Invalid transactions are considered to be the actions of persons, both individuals and legal entities, although they are aimed at establishing, changing or terminating a civil legal relationship, but do not create these consequences due to the inconsistency of the actions committed with the requirements of the law [2].

The question that might arise is in what cases transactions are invalid. First, if the transaction was made by a minor and without the consent of his legal representatives. The exception is minors who have become fully capable (Article 27 of the Civil Code of the Russian Federation). In this case, the transaction may be declared invalid by the court at the suit of a legal representative. If the transaction was declared invalid, then the rules that are provided for in clause 1 of Article 171 of the Civil Code of the Russian Federation apply, namely, bilateral restitution will be applied, as well as compensation by the capable party to the minor for real damage if the capable party knew or should have known about the fact minority of the other party.

The will of parents, adoptive parents and trustees to make a deal by their wards is expressed in the form of giving consent to the deal. As a general rule, consent can be given by one of the parents, but if there are disagreements on this score, each of them has the right to apply for resolution of these disagreements to the guardianship and guardianship authority or to the court. In order to avoid further complications, it is advisable to obtain the consent of both parents when making any major transactions with a minor [2]. Secondly, if the transac-

tion was made by a citizen, who, in turn, was limited by the court in his legal capacity on the basis of Article 30 of the Civil Code of the Russian Federation.

In this case, the transaction can also be recognized by the court as invalid at the suit of the trustee with the application of the consequences provided for by Article 176 of the Civil Code of the Russian Federation: bilateral restitution, compensation by a capable party for real damage suffered by the other party. Thirdly, a transaction that was made, although by a competent person, but at the time of its execution in a state where he was not able to understand the meaning of his actions or to direct them. Such a transaction will be invalidated in accordance with Article 177 of the Civil Code of the Russian Federation.

Fourthly, the transaction may not be recognized as valid due to the discrepancy between the expression of the will of the actual will of the party, committed under the influence of a delusion of significant importance. At the same time, we note that even a conditional expression of will can never be expressed in the essential parts of a transaction that determine one or another of its legal composition, since they are its fundamental features, the absence of which does not allow us to talk about the completion of this transaction [3]. A delusion can mean a person's misconception about any circumstances. The person entitled to bring a claim is the party that acted under the influence of delusion (Article 178 of the Civil Code of the Russian Federation) [1].

Unfortunately, in most cases, the law does not indicate whether the transaction is void or voidable, but only indicates the fact that the transaction cannot be valid under some specific conditions. The differences between these deals are not quite clear as it would seem at first glance. The differences between void and voidable transactions can be reduced to the following criteria:

- the procedure for declaring a transaction invalid (clause 1 of article 166 of the Civil Code of the Russian Federation)
- the circle of persons who can declare the invalidity of the transaction (clause 2 of article 166 of the Civil Code of the Russian Federation).

For example, based on the circle of persons who can declare the invalidity of the transaction, it is obvious that this feature is just a consequence. At least for the reason that in paragraph 2 of Art. 166 of the Civil Code of the Russian Federation named authorized persons in relation to only two requirements. I.B. Novitsky believes that the very term «nullity» is not entirely successful, since it presupposes legal zero [4]. This point of view is supported by the majority of scientists. For example, F.S. Kheifets also believes that the deal in this case is zero, that is, canceled.

V.A. Belov believes that the contested transactions are a kind of forerunner of the contested transactions [5]. We support this point of view, because if you

think about it, the challenged transactions were originally valid transactions, which only after some time became invalid.

Transactions that do not comply with the requirements of the law entail various consequences, for example, unilateral or bilateral restitution. During unilateral restitution the transaction is executed by only one party, which will have the right to demand the return of the transferred. The situation is different with bilateral restitution, according to paragraph 2 of Art. 167 of the Civil Code of the Russian Federation, each party is obliged to return what was received under the transaction. But if it is impossible to do it we have to reimburse the cost. The consequences will be more serious if the parties deliberately executed an invalid transaction. In such a case, all income is charged to the income of the Russian Federation.

Thus, we came to the conclusion that today transactions play a decisive role in the development of the economic life of society. However, the question of defining the concepts of a transaction and an invalid transaction remains controversial. It is unclear whether an invalid transaction is a legal fact in general and a transaction in particular; is an invalid transaction a lawful action or is it an illegal action? The solution of this problem is facilitated not only by scientific developments of lawyers and theorists, but also by law enforcement practice, which determines the general approach to the definition of the concept of «invalid transaction».

References

1. Teplykh R.R., Khazieva R.R., Yusupova R.R. To the Issue of Indemnity. *Evrasijskij juridicheskij zhurnal = Eurasian Law Journal*, 2021, no. 1 (152), pp. 218–219. (In Russian).
2. Mozolin V.P., Maslyayev A.I. (eds.). Civil Law. Part One. Moscow, Yurist" Publ., 2003. 719 p.
3. Atnabaeva Yu.V. On the Question of the Characteristics of the Category «Risk» in Russian Civil Law. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo = Herald of Omsk University. Series: Law*, 2017, no. 2 (51), pp. 107–111. (In Russian).
4. Novitsky I.B. Transactions. Limitation of Actions. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1954. 248 p.
5. Belov V. A. Civil Law. General Part. Moscow, Yurajt, 2013. 497p.

Список источников

1. Теплых Р.Р. К вопросу о возмещении ущерба / Р.Р. Теплых, Р.Р. Хазиева, Р.Р. Юсупова. – DOI 10.46320/2073-4506-2021-1-152-218-219 // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 1 (152). – С. 218–219.

2. Гражданское право. Часть первая / отв. ред. В.П. Мозолин, А.И. Масляев. – Москва : Юрист, 2003. – 719 с.

3. Атнабаева Ю.В. К вопросу о характеристике категории «риск» в гражданском праве России / Ю.В. Атнабаева // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2017. – № 2 (51). – С. 107–111.

4. Новицкий И.Б. Сделки. Исковая давность / И.Б. Новицкий. – Москва : Госюриздат, 1954. – 248 с.

5. Белов В.А. Гражданское право. Т. 2. Общая часть / В.А. Белов. – Москва : Юрайт, 2013. – 497 с.

Информация об авторах

Information about the Authors

Хазиева Рушана Рауфовна –
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры
международного права и
международных отношений
Института права;

Khazieva Rushana Raufovna –
Candidate of Sciences (Philology),
Assistant Professor Instructor of the
Chair of International Law and
International Relations, Institute
of Law;

Юсупова Розалия Римовна –
кандидат филологических наук,
доцент кафедры международного
права и международных
отношений Института права

Yusupova Rosalia Rimovna –
Candidate of Sciences (Philology),
Assistant Professor of the Chair of
International Law and International
Relations, Institute of Law

Статья поступила в редакцию 16.04.2023; одобрена после рецензирования 16.05.2023; принята к публикации 17.05.2023.

The article was submitted 16.04.2023; approved after reviewing 16.05.2023; accepted for publication 17.05.2023.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY; CRIMINAL AND PENAL LAW

Научная статья

УДК 343.85

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2023.18.5

Лифанова Марина Владиславовна

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,

Lifanova2009@yandex.ru

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ГРУППОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье проанализированы отдельные аспекты детерминации группового преступного поведения несовершеннолетних, получили оценку объективные и субъективные факторы, лежащие в основе такого поведения, исследованы психологические и предметные причины вступления подростков в группы отрицательной направленности. Обоснован вывод о необходимости контроля формирования в подростковой среде неформальных малых социальных групп для досуга и общения.

Ключевые слова: детерминанты групповой преступности несовершеннолетних, типы преступных групп несовершеннолетних, причины стремления несовершеннолетних в неформальные группы с антисоциальной и преступной направленностью

Для цитирования: Лифанова М.В. Социально-психологические детерминанты групповой преступности несовершеннолетних: криминологический анализ / М.В. Лифанова. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2023.18.5 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2023. – № 2. – С. 47–54.

Lifanova Marina Vladislavovna

Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia,
lifanova2009@yandex.ru

SOCIO-PSYCHOLOGICAL DETERMINANTS OF JUVENILE GROUP DELINQUENCY: CRIMINOLOGICAL ANALYSIS

Abstract. The article analyzes some aspects of minors group criminal behavior determination, assessed the objective and subjective factors of such behavior, investigated psychological and objective reasons for the teenagers' entry into negative oriented groups. The conclusion about the need to control the formation of informal small social groups for leisure and communication among teenagers is substantiated.

Keywords: determinants of juvenile group delinquency, types of juvenile criminal groups, reasons for minors seeking to join informal groups with antisocial and criminal orientation

For citation: Lifanova M.V. Socio-Psychological Determinants of Juvenile Group Delinquency: Criminological Analysis. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State Uiversity*, 2023, no. 2, pp. 47–54 (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2023.18.5.

Преступность несовершеннолетних как социально-правовое явление заслуженно рассматривается в качестве самостоятельного объекта криминологических исследований, что обусловлено как особенностями личности несовершеннолетних преступников и своеобразием совершаемых ими деяний, так и спецификой причин и условий, детерминирующих преступное поведение подростков. Несовершеннолетние, совершившие преступление, сложно поддаются воспитательному воздействию, что создает резервы для рецидивной и профессиональной преступности.

По данным Министерства внутренних дел РФ, удельный вес преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, в 2022 г. составил 2,9 %, треть из которых – тяжкие и особо тяжкие преступления¹.

¹ Состояние преступности в России за январь – декабрь 2022 года [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел РФ : сайт. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677/> (дата обращения: 25.04.2023).

Традиционно в качестве одной из ведущих особенностей преступности несовершеннолетних выделяется ее групповой характер. По оценкам специалистов, «число несовершеннолетних, участвующих в групповых преступлениях, доходит до 70 %» [1, с. 225].

Группа является неперенным элементом человеческой жизни, поскольку люди реализуют свою социальную активность не в одиночку. Групповая форма поведения позволяет чувствовать одобрение и поддержку. Подчас именно малые социальные группы (семья, досуговая группа и пр.) оказывают существенное влияние на жизненную позицию и ценностные ориентации личности. В особенности это актуально для несовершеннолетних, которые еще не обладают жизненным опытом, но в большинстве случаев в силу возрастных особенностей весьма подвержены влиянию социального окружения, даже если это влияние не совпадает с принятыми в обществе правилами поведения или носит противоправный характер.

В зависимости от количественных характеристик выделяют большие и малые социальные группы. Большие социальные группы рассматриваются, во-первых, как количественно не ограничиваемые условные общности людей, выделяемые по признакам социальной, половой либо национальной принадлежности; во-вторых, как реальные, значительные по размерам и сложно организованные общности людей, вовлеченных в ту или иную общественную деятельность. Малые социальные группы представляют собой ограниченную совокупность непосредственно контактирующих между собой людей.

Все социальные группы по способу образования могут быть формальными (официальными) и неформальными. Формальные социальные группы являются институционально созданными, имеют юридически фиксированный статус, нормативно закрепленную структуру, социально заданную деятельность. Неформальные социальные группы создаются спонтанно, неофициально, на основе дружбы, симпатии или полезности для участников. Также социальные группы могут быть открытыми и подвижными с точки зрения количества участников и их структуры (например, группы друзей) и закрытыми, неподвижными, то есть не допускающими свободного включения или выхода из группы [2, с. 135].

Преступная группа несовершеннолетних является разновидностью малой неформальной социальной группы.

Групповое поведение и социальная группа, подвидом которой является группа преступная, всегда были предметом изучения социальной психологии. Социальная группа рассматривается как любая относительно устойчивая взаимодействующая между собой совокупность людей, которые объединены по определенному признаку или группе признаков (общие интере-

сы, цели, профессиональная принадлежность, кровное родство, хобби и т. п.). В психологии малая социальная группа понимается как «ограниченная в размерах общность людей, выделяемая из социального целого на основе определенных признаков» [3, с. 84–85]. В роли таких признаков могут выступать характер выполняемой деятельности, в том числе и преступный, структура или уровень развития группы, социальная принадлежность ее участников и прочие аналогичные факторы.

Групповое преступное поведение несовершеннолетних отличается повышенной общественной опасностью. В случае совершения преступления группой лиц в преступную деятельность вовлекается несколько, а подчас значительное количество соучастников, которые поддерживают друг друга как эмоционально, так и физически. Это делает доступными квалифицированные способы совершения преступлений, повышает агрессивность несовершеннолетних, позволяет осуществлять посягательство в отношении нескольких потерпевших и в конечном итоге приводит к наступлению более тяжких последствий.

Традиционно причины и условия, детерминирующие преступность несовершеннолетних, в том числе групповую, «подразделяют на два разряда: субъективные, т. е. связанные с личностными особенностями преступника, и объективные» [4, с. 167].

К числу объективных факторов следует отнести недостатки и просчеты семейного и школьного воспитания, негативное влияние досуговых групп, алкоголизм и наркоманию несовершеннолетних, при этом ведущим фактором следует признать проблемы и противоречия внутрисемейных отношений. «Семейное неблагополучие детерминирует разнообразные виды преступности, в особенности оно значимо как фактор криминогенного поведения лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста» [5, с. 57]. Дети и подростки весьма чувствительны к примерам противоправного или асоциального поведения, особенно если они демонстрируются в семье и преподносятся как жизненная норма. Насилие в семье, случаи использования непедагогичных приемов и методов воспитания, жестокое обращение с детьми и с другими членами семьи на глазах детей отторгает несовершеннолетних от семьи, отправляя на улицу в поисках понимания и участия. В результате несовершеннолетний может оказаться в группе с антисоциальной или преступной направленностью, что и является одной из базовых причин групповой преступности несовершеннолетних.

Другой объективной причиной, определяющей групповой характер преступного поведения несовершеннолетних, следует признать само существование антисоциальных и криминальных групп несовершеннолетних, ку-

да ребенок может попасть как по своей инициативе, так и будучи вовлеченным посредством обмана, угроз, шантажа.

Неформальные подростково-молодежные объединения оказывают значительное влияние на процесс социализации «подростков и молодежи в зависимости от их состава, направленности, стиля лидерства, а главное – от меры значимости для того или иного их члена» [6, с. 52]. По степени криминальности выделяются нейтральные («озорные») группы, антисоциальные (предкриминальные), неустойчивые и устойчивые криминальные группировки несовершеннолетних [6, с. 52–54; 7].

Иными факторами групповой преступности несовершеннолетних следует признать влияние бытового окружения, материальное положение семьи, а в некоторых ситуациях и «предвзятость, несправедливость и лишение определенных прав людей по причине их принадлежности к определенной социальной группе» [8, с. 62].

Вторая группа факторов обусловлена возрастными психологическими особенностями несовершеннолетних, то есть субъективными характеристиками самих преступников. Именно эти факторы наиболее разнообразны и многочисленны, являются определяющими при выборе несовершеннолетним законопослушной или преступной модели поведения.

Нам представляется, что субъективные факторы, обуславливающие вступление несовершеннолетнего в группу криминальной направленности, нужно подразделить на психологические и предметные.

Психологические причины вступления в группу отрицательной направленности определяются возрастной склонностью подростка к групповому поведению и определенными характеристиками его личности. В большинстве случаев в преступные группы попадают несовершеннолетние, не способные в силу своих негативных нравственных и психологических качеств к установлению нормальных, позитивных социальных контактов. Такие несовершеннолетние вынуждены искать социальную группу, подходящую к их личностным характеристикам, и способную их признать, принять и поддерживать. Как правило, это группа с антисоциальной направленностью, состоящая из подростков и молодых людей с аналогичными взглядами и ценностями. В результате преступная группа становится для подростка не просто досуговой, но способной дать признание, поддержку и предоставить возможности для самовыражения. Кроме того, вступая в преступную группу, несовершеннолетний не просто обеспечивает себе среду общения, но и повышает собственную престижность. Престижность – оценка субъективная, означающая «значимое место собственной личности, других субъектов и социальной группы в целом в ценностной картине общества». Престижность

группы для подростка определяется соотношением характеристик данной социальной группы и собственной шкалы нравственных ценностей.

Таким образом, вопрос о приобщении несовершеннолетнего к деятельности преступной группы обусловлен двумя взаимосвязанными факторами: отчуждением от позитивных социальных групп и стремлением в группы с антисоциальной или криминальной ориентацией.

Предметные факторы стремления несовершеннолетнего к группам с антиобщественной ориентацией представляют собой выгоды, которые он планирует извлечь из групповой преступной деятельности. Эти выгоды могут носить как материальный (корыстный), так и нематериальный характер, например, могут быть обусловлены стремлением подростка к острым ощущениям, приключениям или желанием добиться признания среди сверстников.

Таким образом, социально-психологические детерминанты групповой преступности несовершеннолетних многочисленны и разнообразны, переплетены и имеют ярко выраженные возрастные особенности. Несовершеннолетние, становясь участниками малых неформальных социальных групп, ищут не только возможности для совершения преступлений, но и создают среду для общения, полагая членство в преступной группе престижным и создавая для себя наиболее комфортные психологические условия.

В заключение отметим, что формирование в подростковой среде неформальных малых социальных групп для досуга и общения – процесс психологически закономерный и соответствующий возрастным потребностям несовершеннолетних. Важно не удерживать подростка от общения со сверстниками, а контролировать направленность группы, которую избирает подросток. При этом следует учитывать, что стремятся к антисоциальным или криминогенным группам те подростки, которые в силу определенных нравственно-психологических особенностей способны в них «включиться» и установить необходимые психологические контакты.

Поскольку подросткам свойственно объединяться в группы, в особенности для проведения досуга, важно не то, удастся ли удержать подростка дома, а то, в какую группу он попадет, будет ли это группа с позитивной, нейтральной или с отрицательной направленностью.

Список источников

1. Карчаева К.А. Некоторые размышления о преступности несовершеннолетних: особенности и детерминанты / К.А. Карчаева // Образование и право. – 2022. – № 1. – С. 224–226.
2. Галлямов Р.Р. Понятие «социальная группа» в современной науке: основные теоретические подходы (зарубежные трактовки) / Р.Р. Галлямов,

Л.И. Горемыкина // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. – 2017. – № 3 (21). – С. 133–139.

3. Психология : словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – Москва : Политиздат, 1990. – 494 с.

4. Шляпникова О.В. Детерминанты групповой подростковой – молодежной – преступности / О.В. Шляпникова, В.А. Барышникова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2012. – № 6 (89). – С. 166–172.

5. Лифанова М.В. Семья как объект криминологического исследования / М.В. Лифанова // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2022. – № 3. – С. 55–60.

6. Лекомцева Е.Н. Неформальные объединения молодежи как социальное явление / Е.Н. Лекомцева // Ярославский педагогический вестник. – 2007. – № 2. – С. 51–55.

7. Мавренкова Е.А. Криминологико-психологические характеристики преступных групп несовершеннолетних, совершающих половые преступления / Е.А. Мавренкова // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2013. – № 2 (174). – С. 91–98.

8. Папышева Е.С. Проблема дискриминации при подмене трудовых отношений гражданско-правовыми / Е.С. Папышева // Пробелы в российском законодательстве. – 2019. – № 5. – С. 61–64.

References

1. Karchaeva K.A. Some Reflections on Juvenile Delinquency: Features and Determinants. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*, 2022, no. 1, pp. 224–226. (In Russian).

2. Gallyamov R.R., Goremykina L.I. The Concept of «Social Group» in Modern Science: the Main Theoretical Approaches (Foreign Interpretations). *Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Seriya: Ekonomika = Bulletin USPTU. Science, Education, Economy. Series: Economy*, 2017, no. 3 (21), pp. 133–139. (In Russian).

3. Petrovsky A.V., Yaroshevsky M.G. (eds.). *Psychology. Dictionary*. Moscow, Politizdat Publ., 1990. 494 p.

4. Shlyapnikova O.V., Baryshnikova V.A. Determinants of Group of Youth Criminality. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii = Saratov State Law Academy Bulletin*, 2012, no. 6 (89), pp. 166–172. (In Russian).

5. Lifanova M.V. Family as an Object of Criminological Research. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State Uiversity*, 2022, no. 3, pp. 55–60. (In Russian).

6. Lekomtseva E.N. Informal Youth Associations as a Social Phenomenon. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2007, no. 2, pp. 51–55. (In Russian).

7. Mavrenkova E.A. Criminological and Psychological Characteristics of Juvenile Criminal Groups Committing Sexual Offences. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki = University News. North-Caucasian Region. Social Sciences Series*, 2013, no. 2 (174), pp. 91–98. (In Russian).

8. Papyшева E.S. The Problem of Discrimination in the Substitution of the Labor Relations by Civil Law. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2019, no. 5, pp. 61–64. (In Russian).

Информация об авторе

Лифанова Марина Владиславовна –
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права
и процесса Института права

Information about the Author

Lifanova Marina Vladislavovna –
Candidate of Sciences (Law), Assistant
Professor of the Chair of Criminal Law
and Procedure, Institute of Law

Статья поступила в редакцию 25.04.2023; одобрена после рецензирования 29.05.2023; принята к публикации 29.05.2023.

The article was submitted 25.04.2023; approved after reviewing 29.05.2023; accepted for publication 29.05.2023.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

CRIMINAL PROCEEDING

Научная статья

УДК 343.1

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2023.18.6

Абдуллина Диана Ринатовна

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,

Abdullina-dr@mail.ru

ОБЪЕКТЫ КАССАЦИОННОГО ОБЖАЛОВАНИЯ

Аннотация. Цель настоящей статьи – определение сущности объектов кассационного обжалования, их отличия от объектов апелляционного обжалования и надзорного производства в результате изучения уголовно-процессуального законодательства и научной доктрины. В ходе проведенного анализа объектов кассационного обжалования и их сопоставления с объектами апелляционного и надзорного производства автор пришел к выводам, что содержание таких объектов складывается из материального и процессуального элементов, при этом объекты кассации отличаются от объектов апелляционного обжалования материальным и процессуальным элементом, а от объектов надзорного производства – только процессуальным. После реформирования уголовно-процессуального законодательства в 2018 г. содержание и объекты кассационного обжалования претерпели существенные изменения. Если ранее в кассационной инстанции рассматривались жалобы на не вступившие в законную силу судебные акты, а вступившие в законную силу пересматривались исключительно в порядке надзора, то теперь в кассационной инстанции рассматриваются жалобы на постановления, определения и приговоры, вступившие в законную силу. Столь кардинальные изменения уголовно-процессуального законодательства требуют анализа посредством теоретического изучения основных аспектов кассационного обжалования, в том числе его объектов.

Ключевые слова: кассационное обжалование, объекты кассационного обжалования, постановление суда, определение суда, решение суда

Для цитирования: Абдуллина Д.Р. Объекты кассационного обжалования / Д.Р. Абдуллина. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2023.18.6 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2023. – № 2. – С. 55–60.

Original article

Abdullina Diana Rinatovna

Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia,
Abdullina-dr@mail.ru

OBJECTS OF CASSATION APPEAL

Abstract. The purpose of this article is to determine the essence of objects of cassation appeal, their difference from objects of appeal and supervisory proceedings as a result of the study of criminal procedure law and scientific doctrine. During the analysis of the objects of cassation appeal and their comparison with the objects of appeal and supervisory proceedings, the author concludes that the content of such objects consists of substantive and procedural elements, at the same time, the objects of cassation differ from the objects of appeal by the substantive and procedural element, and from the objects of supervisory proceedings only by the procedural element. Since the reform of the criminal procedure law in 2018, the content and objects of cassation appeal have undergone significant changes. If earlier the cassation instance considered appeals against judicial acts that did not come into force, and those that came into force were reviewed only in the order of supervision, now the cassation instance considers appeals against decisions, rulings and sentences that came into force. Such drastic changes in criminal procedure law require analysis by means of a theoretical study of the main aspects of cassation appeal, including its objects.

Keywords: cassation appeal, objects of cassation appeal, court ruling, court order, court decision

For citation: Abdullina D.R. Objects of Cassation Appeal. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2023, no. 2, pp. 55–60. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2023.18.6.

Судебные решения, как окончательное, в виде приговора, так и промежуточные – постановления и определения, направлены в конечном итоге на установление истины по делу. Посредством приговора уголовное дело

разрешается по существу, постановления и определения суда решают локальные вопросы, возникающие в ходе судебного разбирательства. При этом решение суда первой инстанции никогда не бывает окончательным. Законодательство предусматривает возможность его обжалования в апелляционном, кассационном и надзорном порядке. Тем самым максимально полно обеспечивается реализация закрепленного в отечественной Конституции права граждан на доступ к правосудию.

Представляется очевидным, что отсутствие института обжалования судебного решения поставит заинтересованных участников процесса в прямую зависимость от компетентности и добросовестности конкретного судьи, который может совершить ошибку при рассмотрении дела или же намеренно принять незаконное решение в силу тех или иных факторов, в том числе коррупционного характера. В этой связи законодательство предоставляет участникам уголовного процесса право обжаловать судебные решения, причем не только итоговое решение по делу (приговор), но и, что крайне важно, решения промежуточного характера.

Как справедливо отмечает В.А. Смирнова, такие промежуточные решения достаточно часто выносятся в отношении важных вопросов, имеющих значение для дела, и в конечном итоге необоснованный отказ в удовлетворении того или иного ходатайства может обусловить вынесение по делу необоснованного приговора [1, с. 77].

Действительно, если, например, подсудимый заявляет о своем алиби и ходатайствует о вызове и допросе в судебном заседании лиц, которые могут это алиби подтвердить, а суд отказывает в данном ходатайстве, то остается неисследованным важнейшее обстоятельство, связанное с возможным нахождением подсудимого в момент совершения инкриминируемого ему деяния в ином месте. Это в конечном итоге повлияет и на содержание приговора суда.

Таким образом, обжалование промежуточных решений суда, в том числе в кассационном порядке, является не менее значимым, чем обжалование приговоров.

Первой стадией обжалования судебных решений выступает апелляция; после вынесения решения апелляционной инстанцией приговор или иное промежуточное решение (кроме случаев их отмены) вступают в законную силу, приговор или иное решение обращаются к исполнению. Вторая стадия обжалования – в кассационном порядке – протекает в период исполнения приговора. Например, если лицо осуждено к наказанию в виде лишения свободы, то после вынесения решения апелляционной инстанцией оно направляется в соответствующее исправительное учреждение. Иными словами, правоограничения, установленные приговором суда первой инстан-

ции, начинают применяться к осужденному. В этом принципиальное отличие кассационного обжалования от апелляционного.

Можно задаться вопросом о том, не следовало ли законодателю придать объектам кассационного обжалования принципиально иное содержание и «отложить» вступление решения суда первой инстанции в законную силу до рассмотрения кассационной жалобы, то есть в качестве объектов кассационного обжалования, как и в рамках апелляционного, рассматривать не вступившие в законную силу акты, а вступившие передать под юрисдикцию исключительно надзорной инстанции, иначе говоря, предусмотреть двухуровневую систему обжалования решений суда первой инстанции до их вступления в законную силу? Это способствовало бы более эффективной проверке законности и обоснованности решений суда первой инстанции еще до применения к осужденному правоограничений.

Однако в данном случае необходимо учитывать интересы и иных участников производства, в первую очередь потерпевшего, который, например, рассчитывает, что осужденный после обращения приговора к исполнению будет возмещать ему причиненный ущерб посредством удержания из заработной платы при работе в исправительной колонии или исправительном центре и т. д.

При этом, как отмечает Р.Р. Хаснутдинов, на практике рассмотрение приговоров суда первой инстанции в кассационном порядке в среднем происходит спустя 4–6 месяцев после вынесения приговора, поскольку предшествующая процедура апелляционного обжалования является достаточно длительной [2, с. 199]. Соответственно, потерпевшему от преступления, помимо времени предварительного расследования и разбирательства в суде первой инстанции, придется дополнительно ожидать еще около полугода, прежде чем приговор суда начнет исполняться.

Таким образом, существующее в законе понимание кассационного обжалования и его объектов представляется единственно правильным.

Объектами кассационного обжалования выступают исключительно вступившие в законную силу решения (приговоры, постановления, определения) суда первой инстанции. Под законной силой судебного решения понимается свойство его обязательности, которое достигается по истечении срока, установленного для апелляционного обжалования в случае отказа сторон от такого обжалования, или же после рассмотрения апелляционной жалобы вышестоящим судом в случае оставления решения без изменения [3, с. 159]. Иначе говоря, под законной силой решения суда следует понимать его особое состояние, характеризующееся наделением решения рядом свойств, в первую очередь свойством обязательности. При этом приобретение судебным решением свойства обязательности вследствие его вступле-

ния в законную силу еще не означает «непогрешимости» этого решения, то есть подразумевается, что решение может быть незаконным и необоснованным, что и может быть установлено уже после его вступления в законную силу в ходе кассационного пересмотра.

Здесь следует обратить внимание на то, что понимание объектов кассационного обжалования – приговоров, постановлений и определений суда, вступивших в законную силу, – является недостаточным, поскольку не позволяет отграничивать их от объектов надзорного производства – в соответствии с ч. 2 ст. 412.1 УПК РФ суд надзорной инстанции проверяет по надзорным жалобе, представлению законность приговора, определения или постановления суда.

Таким образом, вступившие в законную силу решения суда первой инстанции могут выступать объектом как кассационного, так и надзорного производства.

Соответственно, говоря об объектах кассационного производства, следует понимать под таковыми вступившие в законную силу приговоры, постановления и определения суда первой инстанции, на которые подана кассационная жалоба или представление.

Если же говорить о соотношении объектов кассационного и апелляционного обжалования, то здесь основное отличие связано с характером обжалуемого приговора, постановления или определения суда: при кассационном обжаловании объектом выступает решение, которое обрело законную силу, при апелляционном – не вступившее в законную силу.

Можно сделать вывод, что содержание объекта кассационного обжалования в уголовном процессе характеризуется наличием материального и процессуального элементов:

- материальный элемент объекта кассационного обжалования – постановление, определение или приговор суда первой инстанции, вступившие в законную силу;

- процессуальный элемент объекта кассационного обжалования – направление сторонами кассационной жалобы или кассационного представления на решения суда первой инстанции.

Объекты кассационного обжалования отличаются от объектов апелляционного обжалования и материальным, и процессуальным элементом, от объектов надзорного производства – исключительно процессуальным, материальный объект кассации и надзора совпадает: в обоих случаях это решение суда, вступившее в законную силу.

Список источников

1. Смирнова В.А. Промежуточные судебные решения в уголовном процессе: понятие, значение и порядок обжалования / В.А. Смирнова // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2020. – № 11. – С. 74–78.
2. Хаснутдинов Р.Р. Новый порядок кассационного обжалования в уголовном судопроизводстве / Р.Р. Хаснутдинов, Ю.А. Головачев // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 5. – С. 197–203.
3. Федулова А.А. Приговор, его понятие и сущность как акта правосудия / А.А. Федулова // Актуальные исследования. – 2022. – № 9. – С. 156–161.

References

1. Smirnova V.A. Intermediate Judgments in Criminal Proceedings: the Concept, Meaning and Procedure for Appeal. *Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 11, pp. 74–78. (In Russian).
2. Khasnutdinov R.R., Golovachev Y.A. New Procedure for Implementing the Right of Cassation appeal in Criminal Proceedings. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk = International Journal of the Humanities and Natural Sciences*, 2021, no. 5, pp. 197–203. (In Russian).
3. Fedulova A.A. Sentence, Its Concept and Essence as an Act of Justice. *Aktual'nye issledovaniya = Current Research*, 2022, no. 9, pp. 156–161. (In Russian).

Информация об авторе

Абдуллина Диана Ринатовна –
аспирант кафедры уголовного
права и процесса Института
права

Information about the Author

Abdullina Diana Rinatovna –
Postgraduate student of the Chair
of Criminal Law and Procedure,
Institute of Law

Статья поступила в редакцию 25.04.2023; одобрена после рецензирования 22.05.2023; принята к публикации 24.05.2023.

The article was submitted 25.04.2023; approved after reviewing 22.05.2023; accepted for publication 24.05.2023.

Научная статья

УДК 343.148

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2023.18.7

Смолянинов Вадим Николаевич

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,

vadsmolyaninov@yandex.ru

СОБЛЮДЕНИЕ ЗАКОНА ПРИ НАЗНАЧЕНИИ ЭКСПЕРТИЗЫ

Аннотация. В статье рассмотрены основные проблемы соблюдения прав участников уголовного судопроизводства при производстве судебной экспертизы в соответствии со ст. 198 УПК РФ, в том числе на стадии предварительного расследования.

Ключевые слова: экспертиза, суд, закон, доказательство, предварительное расследование

Для цитирования: Смолянинов В.Н. Соблюдение закона при назначении экспертизы / В.Н. Смолянинов. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2023.18.7 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2023. – № 2. – С. 61–65.

Original article

Smolyaninov Vadim Nikolaevich

Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia,

vadsmolyaninov@yandex.ru

LAW OBSERVANCE IN COMMISSIONING THE EXPERT EXAMINATION

Abstract. The article considers the main problems of the rights observance of the criminal proceedings' participants during the forensic examination in accordance with the Article. 198 of the Code of Criminal Procedure, including at the stage of preliminary investigation.

Keywords: expert examination, court, law, evidence, preliminary investigation

For citation: Smolyaninov V.N. Law Observance in Commissioning the Expert Examination. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2023, no. 2, pp. 61–65. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2023.18.7.

В современном уголовном судопроизводстве использование сторонами в процессе доказывания заключений экспертов приобретает ключевое значение. Из перечисленных в уголовно-процессуальном законе (ч. 2 ст. 74 УПК РФ) видов доказательств экспертиза, проведенная по уголовному делу, при отсутствии существенных противоречий с совокупностью иных доказательств закладывается в качестве фундамента выводов вынесенного итогового решения. Уголовно-процессуальный закон устанавливает, что доказательства, полученные с его нарушением, являются недопустимыми (ст. 75 УПК РФ).

Согласно приказу Генпрокурора РФ от 17 сентября 2021 г. № 544 прокуроры обязаны обеспечивать качественный и эффективный надзор за исполнением законов органами предварительного следствия независимо от их ведомственной принадлежности путем проверки: соответствия выводов следователя обстоятельствам дела, установленным в ходе расследования, достаточности собранных доказательств, правильности квалификации содеянного, соблюдения норм УПК РФ при производстве следственных и иных процессуальных действий. Также прокуроры должны обращать внимание на соблюдение требований УПК РФ при назначении и производстве судебных исследований и экспертиз; выносить мотивированное постановление о признании доказательств, полученных с нарушением норм УПК РФ, недопустимыми и исключении их из обвинительного заключения. Подобные требования установлены и в приказе Генпрокурора РФ от 19 января 2022 г. № 11.

Однако некоторые нарушения, допущенные органами предварительного расследования при производстве экспертизы, не влекут признания заключений экспертов недопустимым доказательством. Мы полностью поддерживаем мнение Е.В. Елагиной о том, что в случае несвоевременного ознакомления с постановлением о назначении экспертизы (одновременно с ознакомлением с заключением эксперта или при ознакомлении с материалами уголовного дела в порядке ст. 217 УПК РФ) недопустимо указывать в соответствующем протоколе: «с постановлением (заключением) ознакомлен, мои права ничем не нарушены, заявлений и ходатайств нет». Наличие такой ремарки не препятствует заявлению соответствующего ходатайства в суде. При этом следует учитывать, что любое нарушение, допущенное субъектом – инициатором судебной экспертизы, может привести к тому, что экс-

перт не сможет дать заключение, соответствующее требованиям допустимости, относимости, полноты и объективности [1].

Права участников уголовного судопроизводства, предусмотренные ст. 198 УПК РФ, касаются назначения и производства судебной экспертизы. Их реализация возможна до ее фактического назначения и производства.

Учитывая особую значимость в процессе доказывания заключений экспертов, законодателем участникам уголовного судопроизводства фактически предоставлено две возможности ознакомления с постановлением о назначении экспертизы: при вынесении постановления об этом и при ознакомлении с материалами уголовного дела после окончания предварительного расследования, которое зачастую проводится одновременно с ознакомлением с заключением эксперта, когда производство экспертизы уже фактически завершено.

Несмотря на нарушения сроков ознакомления обвиняемых с постановлением о назначении судебной экспертизы, допущенные при производстве предварительного расследования, суды всех инстанций – первой, апелляционной и кассационной – нередко признают заключения экспертов допустимыми доказательствами. Обосновываются такие выводы следующими аргументами: экспертиза проведена в соответствии с нормами УПК РФ профессиональными экспертами с надлежащей квалификацией; несвоевременное ознакомление с постановлением о назначении экспертизы не оказывает негативного влияния на объективность и обоснованность выводов; не согласная с заключением экспертизы сторона имеет право оспорить ее в суде и ходатайствовать о проведении повторных или дополнительных экспертиз¹. То есть, признавая факт нарушения права обвиняемого на своевременное ознакомление с постановлением о назначении судебной экспертизы, правоприменители считают его «несущественным», не влекущим признание заключения эксперта недопустимым доказательством.

Такой подход судов к оценке допущенных органами предварительного расследования нарушений уголовно-процессуального законодательства при назначении экспертизы влияет на ослабление ведомственного контроля и прокурорского надзора по рассматриваемому вопросу и предоставляет возможность стороне обвинения фактически не исполнять требования закона.

Конституционный Суд РФ не согласился с подобным положением и в Определении от 5 февраля 2015 г. № 235-О высказал свою правовую позицию, согласно которой нарушение сроков ознакомления обвиняемых с постановлением о назначении судебной экспертизы лишает их возможности

¹ Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 09.12.2021 № 77-6528/2021 [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.6kas.sudrf.ru> (дата обращения: 25.03.2023).

реализовать свои права, которые вытекают из принципов состязательности и равноправия сторон, а также основополагающих конституционных принципов, касающихся прав граждан. Кроме того, требование ч. 3 ст. 195 УПК РФ касается назначения любых судебных экспертиз, императивно и обязательно для исполнения, уголовно-процессуальное законодательство предусматривает все правовые механизмы, способствующие реализации данного требования¹. Аналогичной правовой позиции придерживается и Пленум Верховного Суда РФ².

Противоположный подход нижестоящих судов к оценке фактов нарушений органами предварительного расследования прав, предоставленных участникам судопроизводства при назначении судебной экспертизы, оказывается возможным в связи с неопределенностью формулировки ст. 75 УПК РФ, которая не содержит императивного указания на признание заключения эксперта недопустимым доказательством при несоблюдении требований ч. 1 ст. 198 УПК РФ.

В связи с тем, что сторона защиты не имеет возможности самостоятельно проводить экспертизы в процессе собирания доказательств, считаем, что соблюдению прав участников уголовного судопроизводства будет способствовать более строгий регламент назначения и проведения судебных экспертиз при производстве предварительного расследования, а также прямое указание в уголовно-процессуальном законодательстве на признание заключений экспертов недопустимыми доказательствами в случае нарушения установленного порядка их назначения и проведения.

Список источников

1. Елагина Е.В. Анализ и оценка прокурором заключения эксперта : конспект лекции / Е.В. Елагина. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. – 48 с.

¹ По жалобе гражданина Авчинникова Алексея Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 195 и 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ 05.02.2015 № 235-О [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70781966/> (дата обращения: 25.03.2023).

² О судебной экспертизе по уголовным делам : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108437/ (дата обращения: 25.03.2023).

References

1. Elagina E.V. Analysis and Evaluation of the Expert's Opinion by the Prosecutor: Lecture Notes. Saint Petersburg Law Institute (Branch) of General Prosecutor's Office Academy of the Russian Federation Publ., 2017. 48 p.

Информация об авторе

Смольянинов Вадим Николаевич –
старший преподаватель кафедры
уголовного права и процесса
Института права

Information about the Author

Smolyaninov Vadim Nikolaevich –
Senior Instructor of the Chair of
Criminal Law and Procedure,
Institute of Law

Статья поступила в редакцию 23.04.2023; одобрена после рецензирования 23.05.2023; принята к публикации 24.05.2023.

The article was submitted 23.04.2023; approved after reviewing 23.05.2023; accepted for publication 24.05.2023.

ЯЗЫК И ПРАВО

LANGUAGE AND LAW

Научная статья

УДК 340.113

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2023.18.8

Амантаев Ильнур Ринатович¹, Юсупов Рахимьян Галимьянович²

¹Общество с ограниченной ответственностью «Зеленый квартал»,
Уфа, Россия, ilnur4ik2000@gmail.com

²Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,
yusupovr.g@yandex.ru¹

О ТОЛКОВАНИИ НЕКОТОРЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Аннотация. Не вызывают сомнений требования к толкованию юридических терминов, согласно которым термины должны точно и однозначно отражать сущность и содержание определяемых явлений. Однако встречаются случаи, когда термины на законодательном уровне не определены, а в исследованиях ученых они трактуются по-разному. Проблема касается, в частности, терминов, используемых в правовых документах социальной направленности. В статье анализируются подходы к определению понятий «социальное государство», «социальная политика», «социальная защита», «социальное обеспечение» и «социальная помощь». Выявлены существующие в литературе разночтения и противоречия, сделаны выводы о том, как логично распределить признаки определяемых понятий так, чтобы исключить дублирование и системно представить архитектуру социальной политики. Полагаем, это важно для принятия регулирующих решений в социальной сфере.

Ключевые слова: социальное государство, социальная политика, социальная защита, социальное обеспечение, социальная помощь

Для цитирования: Амантаев И.Р. О толковании некоторых юридических терминов социальной сферы / И.Р. Амантаев, Р.Г. Юсупов. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2023.18.8 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2023. – № 2. – С. 66–78.

Amantaev Ilnur Rinatovich¹, Yusupov Rakhimian Galimianovich²

¹ Limited Liability Company «Green District», Ufa, Russia, abazov707@mail.ru

² Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia, yusupovr.g@yandex.ru

ON THE INTERPRETATION OF CERTAIN LAW TERMS OF SOCIAL SPHERE

Abstract. There are no doubts about the demands for the legal terms interpretation, according to which the terms should accurately reflect the nature and content of the phenomena identified. In practice, there are cases when the terms are not defined at the legislative level, and in the scientists' studies they are interpreted differently. The problem concerns, in particular, the terms used in legal documents of a social orientation. The article analyzes approaches to the definition of such concepts as: «social state», «social policy», «social protection», «social security» and «social assistance». The contradictions existing in the literature are revealed, conclusions are made on how to logically distribute the features of defined concepts so as to eliminate duplication and systemically present the architecture of social policy. We believe this is important for the systematic adoption of regulatory decisions in the social sphere.

Keywords: social state, social policy, social protection, social security, social assistance

For citation: Amantaev I.R., Yusupov R.G. On the Interpretation of Certain Law Terms of Social Sphere. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2023, no. 2, pp. 66–78. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2023.18.8.

Любое государство стремится к достижению экономического роста. Чем эффективнее экономика, тем мощнее само государство и лучше условия жизни его населения. При этом человечество давно столкнулось с тем, что экономический рост не может быть связан только с собственно экономическими процессами и отношениями. Последние в немалой степени зависят от социального фактора. Нет такого государства, в котором жили бы только экономически активные люди, и нет такого государства, в котором экономически активные люди оказывались бы в равных условиях. Социальный дисбаланс может приводить к последствиям, которые не просто вскрывают гуманитарные проблемы, но и негативно влияют на экономику. А поскольку экономическая и социальная сферы взаимосвязаны, государство, заботящееся об экономическом развитии, не может игнорировать социальные за-

просы своих граждан. Для достижения соответствующих целей оно использует правовые механизмы, иными словами, осуществляет правовое регулирование общественных отношений в социальной сфере.

Правовое регулирование общественных отношений предполагает, что любой используемый в официальных документах термин понимается однозначно. Но в официальных документах не всем терминам, в частности касающимся социальной сферы, дается определение, а в научной литературе встречаются разночтения. На наш взгляд, отсутствие четкого представления о базовых понятиях может препятствовать системному подходу к регулированию социальных отношений.

В ст. 7 Конституции РФ сказано, что Россия является социальным государством. В плане правового регулирования общественных отношений это ко многому обязывает, и важно понимать, какой смысл в термин «социальное государство» вкладывается. Этот термин фигурирует во многих конституциях мира. Но сначала он появился в научной литературе и лишь через столетие – в законодательстве.

В научный оборот термин «социальное государство» еще в 1850 г. ввел немецкий философ, историк и экономист Л. фон Штейн, ратовавший за то, чтобы в обществе не ущемлялась независимость ни одной личности. Разумеется, он исходил из реалий своего времени: в капиталистических странах сформировались классовые общества, в которых класс собственников подчинил себе класс несобственников, что было закреплено на законодательном уровне. Следствием социальной зависимости стала и политическая зависимость, причем не только неимущих слоев населения, но и самих государств. Штейн утверждал, что государство должно представлять интересы всех граждан, но фактически воля государства сузилась до выражения интересов одного класса. Такую систему он и предлагал изменить посредством обеспечения гражданских и политических прав, а также доступа к собственности для всех, подчеркивая, что сделать это способно только государство, поскольку класс собственников не готов добровольно отказаться от господствующего положения, а класс несобственников, увлеченный в тот момент социалистическими и коммунистическими идеями, не готов считаться с интересами имущих слоев [1, с. 370–371]. Заметим, теорию социального государства Штейн изложил в период нарастания межклассовой борьбы и угрозы социальных потрясений. Фактически ученый предложил способ их избежать, принципиально ничего в классовом обществе не меняя, а лишь открывая возможность доступа к капиталу тем, кто ранее такой возможности не имел. Понятно, что классовое общество, состоящее из класса собственников, невозможно, и со временем взгляды на социальное государство стали, ко-

нечно, меняться. Неизменным осталось признание приоритета свободы личности и ведущей роли государства в решении социальных задач.

Впервые на конституционном уровне рассматриваемый термин закрепили в Германии. В Основном законе ФРГ он появился в 1949 г. Позднее немецкому примеру последовали другие западные страны [2, с. 4]. Но единое представление о сущности социального государства так и не сформировалось. К этому выводу подводит тот факт, что в разных странах реализуются разные способы поддержки статуса социального государства. Иными словами, в разных странах проводится разная социальная политика.

Социальная политика – это следующий термин, который не имеет однозначного толкования, но который необходимо правильно понимать.

В научной литературе понятию «социальная политика» дано немало определений. Формат статьи не позволяет провести их развернутый обзор, поэтому ограничимся несколькими примерами.

Социальная политика определяется, например, как «система мероприятий и акций, направленных на достижение целей и результатов, связанных с повышением общественного благосостояния, улучшением качества жизни народа, обеспечением социальной и политической стабильности» [3, с. 55], как «деятельность, направленная на управление социальным развитием общества, совершенствование его социальной сферы, удовлетворение и гармонизацию социальных потребностей личности и социальных групп населения» [4, с. 11], как «система мер, направленных на гармонизацию интересов социальных групп населения» [5, с. 3] и т. д.

Цель социальной политики во всех определениях очерчена с разной степенью детализации, но в целом единство мнений прослеживается: она связана, по мнению ученых, прежде всего, с качеством жизни социума. При этом обратим внимание на то, что в приведенных определениях понятие трактуется через ключевые слова «деятельность», «мероприятия», «меры», «акции». Это вызывает некоторые сомнения, поскольку деятельность – слишком широкое понятие, которое не дает возможности понять суть политики, а мероприятия, меры, акции – это, скорее, не политика, а способы реализации проводимой политики.

Есть и другие определения, в которых найден некоторый компромисс. Так, С.В. Савенкова называет социальную политику «составной частью внутренней политики государства, воплощенную в его социальных программах и практике» [6, с. 5]. А наиболее правильным представляется подход Е.В. Фахрутдиновой и ее коллег, определивших социальную политику через понятие «механизмы»: «механизмы обеспечения баланса интересов социальных групп» [7, с. 57]. Согласие с этой позицией объясняется тем, что само понятие «политика», которое, к слову, тоже определяется через разные ключе-

вые слова (искусство управления, концепция государственного устройства и пр.), в основном обобщенно представляется как «механизм регулирования отношений» [8, с. 48].

Важно и то, что мероприятия, меры и акции могут осуществлять различные субъекты политики, в том числе социальной политики (органы государственной власти и местного самоуправления, благотворительные, религиозные и иные негосударственные объединения, бизнес и пр.), но формирование политики (механизмов регулирования отношений) – это прерогатива только государства. Как пишет С.А. Ланцов, политика появляется вместе с потребностью в упорядочении взаимодействия между социальными группами, и именно эта потребность обусловила возникновение государства как такового [9, с. 41]. Уточнения дает А.И. Соловьев, утверждая, что политика необходима, когда возникают конфликты интересов, требующие вовлечения «третьей» силы в лице государства, наделенного правом на использование методов принуждения [8, с. 48].

Проанализировав разные подходы к определению социальной политики, приходим к выводу, что это понятие следует трактовать как механизм регулирования общественных отношений, разработанный государством и нацеленный на гармонизацию социальных потребностей населения, к числу которых относятся улучшение качества жизни, обеспечение социальной стабильности и согласия в обществе.

И теперь самое время вернуться к поднятому вопросу об отсутствии у государств, именующих себя социальными, единого представления о социальном государстве и социальной политике.

В литературе принято выделять принципиально отличающиеся модели социальной политики рыночных государств. Предлагается, например, различать либеральную, консервативную и социал-демократическую модели [10, с. 8–10].

Так, в США государство установило так называемую либеральную модель, во многом совпадающую с идеями Л. фон Штейна, который, напомним, предлагал открыть социуму широкий доступ к собственности, в том числе на средства производства. В литературе отмечается, что современная либеральная модель подразумевает создание государством оптимальных условий для свободного рынка. Суть концепции заключается в том, что у граждан, которым гарантирована свобода и равенство возможностей, практически нет преград для улучшения своего благосостояния – все зависит от них самих. Участие государства в социальной сфере сведено к минимуму. Действует разве что механизм адресной помощи в крайних случаях [2, с. 3; 10, с. 9].

В Германии идеи Штейна еще в XIX в. получили развитие. Постепенно начала формироваться социальная модель, базирующаяся на механизме страхования. Инициатором внедрения этого механизма стал канцлер О. фон Бисмарк. При нем на протяжении нескольких лет на рубеже 1880–1890-х годов принимались законы, вводившие страхование на случай нетрудоспособности из-за болезни, травмы, для погребения или в помощь роженицам и пр., затем – для выплаты пенсий по старости или по инвалидности. Причем часть страховой нагрузки ложилась на работодателей. Одновременно государство принимало меры, нацеленные на создание новых рабочих мест и сокращение дифференциации доходов работников. Система формировалась таким образом, чтобы при наступлении страхового случая застрахованный работник сохранял возможность поддерживать достигнутый статус и качество жизни. Эта система до настоящего времени сохраняется и в самой Германии, и в ряде европейских стран: Австрии, Испании, Италии и пр. [11, с. 329]. Ее и называют консервативной. У модели есть много очевидных плюсов, но и она спотыкается об обстоятельства, которые теперь характерны для Европы, например, о фактор старения населения.

В 1930-е годы в Швеции зародилась модель, которую называли социал-демократической. Она распространилась в скандинавских странах. Как пишет О.В. Лукшин, эта модель представляет собой «феномен патерналистского государства с сочетанием коммунистических и буржуазных идей» [2, с. 4]. Суть ее заключается в особом перераспределении доходов и социальных расходов, в частности с использованием прогрессивной шкалы налогообложения. В итоге граждане оказываются в равных условиях, когда им требуется социальная поддержка [10, с. 10]. Эта модель максимально учла риски, диктуемые не только жизненными обстоятельствами, но и самим рынком, который в принципе не настроен на социальную сферу. При данной модели имеет место наиболее выраженное участие государства в реализации социальной политики.

С социальной политикой связан целый ряд терминов, в том числе «социальная защита» и «социальное обеспечение». Мы специально выделили эти два, поскольку в научной литературе с ними связана очевидная путаница, разбирать которую будем по шагам.

Шаг первый. При изучении истории внедрения понятия «социальная защита» в законодательные акты мы встретили следующее утверждение: «Термин "социальная защита" был впервые использован в законе о социальной защите США в 1935 г.» [12, с. 49]. Но есть авторы, которые называют упомянутый акт законом о социальном обеспечении [13, с. 151]. Исследователи по-разному перевели документ, именуемый Social Security Act, то есть вложили в понятия социальной защиты и социального обеспечения один и тот же

смысл, хотя security – многозначное слово, которое можно перевести как «защита, обеспечение, безопасность, органы безопасности, охрана, надежность, поручительство» и т. д. К слову, в американском законе речь идет о страховании по безработице и создании пенсионного фонда. На данном этапе можно предположить, что исследуемые термины являются синонимами.

Шаг второй. При изучении определений социальной защиты, предложенных разными авторами, обращаем внимание на то, что единого взгляда на сущность явления нет. Во-первых, термин трактуется через разные ключевые слова: «совокупность экономических, правовых и организационных мер государства» [14, с. 11], «система законодательных, экономических, социальных и социально-психологических гарантий» [15, с. 12], «социально-экономическая практическая деятельность» [16, с. 183] и т. д. Все варианты корректны, но представляется, что наилучший вариант – деятельность. Совокупность или систему можно прописать на бумаге, но пока на их основе не будет организована деятельность, говорить о реальной защите преждевременно.

Во-вторых, отличается представление об адресатах социальной защиты. В одних определениях упоминается трудоспособное и нетрудоспособное население [15, с. 12] или все группы населения [16, с. 183], в других – социально уязвимые слои, граждане, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации [14, с. 11]. Предлагается также компромисс: толковать термин в широком и узком смысле. При толковании социальной защиты в узком смысле в качестве адресата подразумевается нетрудоспособное и социально уязвимое население, в широком – социум в целом [17, с. 14]. Все логично. С одной стороны, социальная защита должна быть нацелена на улучшение качества жизни социума в целом. Это значит, что должно быть обеспечено право на труд и отдых, на медицинское обслуживание, образование и т. д. С другой стороны, нельзя не учитывать, что потребность в социальной защите у разных слоев общества не совпадает.

Теперь посмотрим, как трактуется понятие «социальное обеспечение». В этом вопросе в основном наблюдается единодушие: основанием для социального обеспечения объявляются случаи наступления социальных рисков, повлекших значительное негативное изменение материального и (или) социального положения членов общества или их здоровья по причинам, от них не зависящим. Социальное обеспечение подразумевает перераспределение материальных благ с целью поддержания полноценного социального статуса нуждающихся граждан [14, с. 10; 18, с. 10].

На данном этапе мы уже не можем утверждать, что исследуемые термины являются синонимами. Позволим себе обозначить собственное видение проблемы.

Во-первых, нет необходимости толковать социальную защиту в широком и узком смысле, ведь социальная защита в узком смысле – это и есть социальное обеспечение. Во-вторых, учитывая изложенное, можно считать, что Social Security Act все-таки корректнее переводить как «закон о социальном обеспечении».

Интерес представляет еще один близкий по смыслу термин – «социальная помощь». В публикациях он встраивается в разные теоретические конструкции. Например, встречаем утверждение, что видами социальной защиты являются социальное обеспечение, социальное страхование и социальная помощь [19, с. 13]. А есть иное мнение: видами социальной защиты являются социальное страхование и социальная помощь [16, с. 184]. Это единичные примеры, подтверждающие, что взгляды на содержание терминов разнятся. Чтобы понять, какая конструкция корректнее, стоит рассмотреть, что же такое социальная помощь, а заодно уточнить, что такое социальное страхование.

Механизм социального страхования, напомним, известен с конца XIX в., то есть со времен реформ, проведенных в Германии канцлером Бисмарком. Что и как страховать каждое принявшее идею государство решало индивидуально. Но смысл самого механизма понимается однозначно. Социальное страхование определяется в литературе как система отношений по перераспределению части национального дохода, формирующейся в специальных страховых фондах за счет обязательных страховых взносов работников и работодателей. «За счет организации социального страхования, – пишет Е.В. Агеева, разъясняя его финансовую природу, – общество получило возможность осуществлять компенсацию социальных рисков путем перераспределения части национального дохода между отдельными группами населения в автономном от других перераспределительных процессов режиме». С социально-политической точки зрения социальное страхование – это «способ реализации конституционного права граждан на материальное обеспечение в старости, в случае болезни, полной или частичной утраты трудоспособности, потери кормильца, безработицы» [20, с. 19–20].

Социальная помощь – это, по определению Е.В. Агеевой, «экономические перераспределительные отношения в сфере государственного бюджета, в результате которых осуществляется материальная поддержка определенных категорий нуждающихся граждан посредством финансовых методов за счет средств, аккумулированных в бюджете страны» [20, с. 31]. Иными словами, если в случае социального страхования «вкладчиками» являются работники и работодатели (страховые взносы), то в случае социальной помощи – налогоплательщики (отчисления от налогов и сборов в бюджеты). Право на выплаты в случае социального страхования определяется фактом

внесения страховых взносов, право на социальную помощь – отнесением лиц к определенным категориям нуждающихся.

Изложенное позволяет заключить, что обе приведенные конструкции социальной защиты, в которые встроена социальная помощь, целесообразно подкорректировать. Если исходить из того, что социальная защита – явление многогранное, понимаемое в том числе как организованная государством деятельность, позволяющая человеку «обороняться» от неблагоприятного воздействия окружающей среды [14, с. 9], то логично признать социальное обеспечение видом социальной защиты, но не наряду с социальным страхованием и социальной помощью, а наряду с обеспечением занятости, нормальных условий и оплаты труда, обеспечением благоприятной экологической обстановки, охраны здоровья и т. д. А социальное страхование и социальную помощь логично признать видами не социальной защиты, а социального обеспечения.

Подведем итоги. При трактовке терминов, касающихся социальной сферы, имеют место разночтения. Но из всех предложенных авторами вариантов можно выбрать версии, которые укладываются в непротиворечивую систему.

В этой системе социальную политику следует понимать не как меры, мероприятия или акции социальной направленности, а как разработанный государством механизм регулирования общественных отношений, нацеленный на решение социальных задач. Как показывает мировая практика, механизмы достижения указанной цели в разных странах не повторяют друг друга. Иными словами, цель может быть одна, а варианты социальной политики разные, и никаких противоречий в этом нет.

Все, что касается мер, мероприятий и акций, то есть конкретных видов деятельности, логично связать с реализацией социальной политики, которую многие авторы называют социальной защитой. К адресатам социальной защиты считаем верным относить не только уязвимые слои населения, а все население государства. Исходим из того, что в социальном государстве у всех граждан должно быть право на труд и отдых, на доступ к системе здравоохранения, культурным ценностям, образованию и пр. Кроме того, жертвами, например, природных катаклизмов, техногенных катастроф или эпидемий люди становятся независимо от того, каков их социальный статус или материальное положение. В защите нуждаются все.

Вместе с тем очевидно, что уязвимые слои населения нуждаются в повышенной социальной защите, подразумевающей не общие для всех, а специфические меры. Это направление социальной защиты называют либо социальной защитой в узком смысле, либо социальным обеспечением. Первый вариант, на наш взгляд, следует признать избыточным, запутывающим понятийный аппарат. Для правового регулирования соответствующих отно-

шений необходим один конкретный термин, и таковым является термин «социальное обеспечение».

Для организации стабильного социального обеспечения уязвимых слоев нужны средства. Как показало настоящее исследование, человечество придумало всего два способа системного финансирования соответствующих мер: за счет самого государства и за счет обязательных страховых фондов. В этой связи логично выделять два вида социального обеспечения: социальную помощь (за счет бюджетных средств) и социальное страхование. В реальной жизни нуждающиеся люди могут получать поддержку от благотворителей, волонтеров, религиозных организаций и пр. Все их действия и мероприятия вписываются в контекст социальной политики наряду с выделенными видами социального обеспечения, но имеют отличие от последних: они не носят обязательный характер и являются личным выбором отдельных лиц.

Проведенное исследование и сделанные выводы имеют практическое значение, поскольку для системности принятия регулирующих решений в социальной сфере важно, чтобы каждый используемый термин понимался однозначно, а каждое регулируемое явление отвечало принципам проводимой государством социальной политики и занимало четко определенное место в сформированной государством инфраструктуре социальной защиты.

Список источников

1. Луцина Т.Ю. Теория социального государства Лоренца фон Штейна и ее влияние на восприятие ценностей социального государства научным сообществом в современной России / Т.Ю. Луцина // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. – 2019. – Т. 3, № 3. – С. 369–377.

2. Лукшин О.В. Социальное государство: понятие, развитие и реализация идеи / О.В. Лукшин // Право: современные тенденции : материалы VI Международной научной конференции. – Краснодар : Новация, 2018. – С. 2–6.

3. Побережная О.Е. Принципы, цели и задачи социальной политики / О.Е. Побережная // Проблемы управления. – 2006. – № 2. – С. 54–59.

4. Маргулян Я.А. Социальная политика : учебник / Я.А. Маргулян. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, 2011. – 236 с.

5. Олейникова Е.Г. Социальная политика государства. Современные проблемы управления социальной сферой : учебно-методическое пособие / Е.Г. Олейникова, С.В. Китаев. – Волгоград : Волгоградский институт управления, 2020. – 44 с.

-
6. Савенкова С.В. Социальная политика: опыт, проблемы, перспективы / С.В. Савенкова // Муниципальная академия. – 2018. – № 3. – С. 4–7.
 7. Фахрутдинова Е.В. Социальная политика: роль и значение в повышении качества жизни населения / Е.В. Фахрутдинова, Л.М. Хуснутдинова, А.Л. Малышев // Экономические науки. – 2010. – № 12 (73). – С. 55–60.
 8. Соловьев А.И. Политология: политическая теория, политические технологии / А.И. Соловьев. – Москва : Аспект Пресс, 2003. – 559 с.
 9. Ланцов С.А. Политология : учебник / С.А. Ланцов. – Москва : Юрайт, 2018. – 454 с.
 10. Малева Т.М. Социальная политика в долгосрочной перспективе: многомерная бедность и эффективная адресность / Т.М. Малева, Е.Е. Гришина, Е.А. Цацура. – Москва : РАНХиГС, 2019. – 52 с.
 11. Лушников А.М. Генезис германской модели социального страхования: история и современность / А.М. Лушников // Сибирское юридическое обозрение. – 2020. – Т. 17, № 3. – С. 328–345.
 12. Лебедзевич Я.В. Система социальной защиты: эволюция и взаимосвязь категорий / Я.В. Лебедзевич // Финансы и кредит. – 2014. – № 23. – С. 48–55.
 13. Кошкина М.М. Становление системы социального законодательства в период администрации президента Ф.Д. Рузвельта / М.М. Кошкина // Власть. – 2010. – № 2. – С. 150–153.
 14. Галаганов В.П. Организация работы органов социального обеспечения в Российской Федерации : учебник / В.П. Галаганов. – Москва : КНОРУС, 2018. – 154 с.
 15. Тишин Е.В. Формирование и реализация социальной защиты населения при переходе к рыночной экономике : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 22.00.03 / Е.В. Тишин. – Санкт-Петербург, 1994. – 26 с.
 16. Олимских Н.Н. Социальная защита населения: понятие и содержание / Н.Н. Олимских // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. – 2007. – № 2. – С. 179–186.
 17. Дорохин Д.Г. Формирование региональной системы социальной защиты населения : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.07 / Д.Г. Дорохин. – Санкт-Петербург, 1998. – 18 с.
 18. Право социального обеспечения России : учебник / М.И. Акатнова, А.Л. Благодир, Ю.В. Васильева и др. ; под ред. Э.Г. Тучкова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2017. – 480 с.
 19. Право социального обеспечения. Общая часть : учебник / М.О. Буянова, А.В. Буянова, А.Ю. Гусев и др. ; под ред. М.О. Буяновой. – Москва : КНОРУС, 2021. – 224 с.
 20. Агеева Е.В. Социальное страхование : курс лекций / Е.В. Агеева. – Иркутск : БГУЭП, 2013. – 122 с.

References

1. Lutsina T.Yu. Lorenz von Stein's Theory of Welfare State and Its Influence on the Perception of the Values of Welfare State in the Scientific Community of Modern Russia. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sociologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya = Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*, 2019, vol. 3, no. 3, pp. 369–377. (In Russian).
2. Lukshin O.V. Social State: Concept, Development and Implementation of the Idea. *Law: Current Trends. Materials of the VI International Scientific Conference*. Krasnodar, Novaciya Publ., 2018, pp. 2–6. (In Russian).
3. Poberezhnaya O.E. Principles, Goals and Objectives of Social Policy. *Problemy upravleniya = Control Sciences*, 2006, no. 2, pp. 54–59. (In Russian).
4. Margulyan Ya.A. Social Policy. Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics Publ., 2011. 236 p.
5. Oleinikova E.G., Kitaev S.V. Social Policy of the State. Modern Problems of Social Sphere Management. Volgograd Institute of Management Publ., 2020. 44 p.
6. Savenkova S.V. Social Policy: Experience, issues, Opportunities. *Municipal'naya akademiya = Municipal Academy*, 2018, no. 3, pp. 4–7. (In Russian).
7. Fakhrutdinova E.V., Khusnutdinova L.M., Malyshev A.L. Social Policy: Role and Significance in Improving the Quality of Life of the Population. *Ekonomicheskie nauki = Economic Sciences*, 2010, no. 12 (73), pp. 55–60. (In Russian).
8. Soloviev A.I. Political Science: Political Theory, Political Technologies. Moscow, Aspekt Press Publ., 2003. 559 p.
9. Lantsov S.A. Political Science. Moscow, Yurajt, 2018. 454 p.
10. Maleva T.M., Grishina E.E., Tsatsura E.A. Long-Term Social Policy: Multi-dimensional Poverty and Effective Targeting. Presidential Academy (RANEPA) Publ., 2019. 52 p.
11. Lushnikov A. The Genesis of the German Social Insurance Model: History and Present. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie = Siberian Legal Review*, 2020, vol. 17, no. 3, pp. 328–345. (In Russian).
12. Lebedzevich I.V. System of Social Protection: Evolution and Interrelation of Categories. *Finansy i kredit = Finance and Credit*, 2014, no. 23, pp. 48–55. (In Russian).
13. Koshkina M.M. The Formation of the System of Social Legislation during the Administration of President F.D. Roosevelt. *Vlast' = Vlast'*, 2010, no. 2, pp. 150–153. (In Russian).
14. Galaganov V.P. Organization of Work of Social Security Bodies in the Russian Federation. Moscow, KNORUS Publ., 2018. 154 p.

15. Tishin E.V. Formation and Implementation of Social Protection of the Population in the Transition to a Market Economy. Cand. Diss. Thesis. Saint Petersburg, 1994. 26 p.

16. Olimskikh N.N. Social Protection of the Population: Concept and Content. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo = Bulletin of Udmurt University. Series: Economics and Law, 2007, no. 2, pp. 179–186. (In Russian).

17. Dorokhin D.G. Formation of a Regional System of Social Protection of the Population: Abstract of the Thesis. Cand. Diss. Thesis. Saint Petersburg, 1998. 18 p.

18. Akatnova M.I., Blagodir A.L., Vasilyeva Yu.V. et al.; Tuchkov E.G. (ed.). Social Security Law in Russia. 2nd ed. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 480 p.

19. Buyanova M.O., Buyanova A.V., Gusev A.Yu. et al.; Buyanova M.O. (ed.). The Right to Social Security. General Part. Moscow, KNORUS Publ., 2021. 224 p.

20. Ageeva E.V. Social Insurance. Baikal State University of Economics and Law Publ., 2013.

Информация об авторах

Information about the Authors

Амантаев Ильнур Ринатович –
юрист;

Amantaev Ilnur Rinatovich –
Lawyer;

Юсупов Рахимьян Галимьянович –
доктор исторических наук,
профессор кафедры финансового
и административного права
Института права

Yusupov Rakhimian Galimianovich –
Doctor of Sciences (History), Professor
of the Chair of Financial and
Administrative law, Institute of Law

Статья поступила в редакцию 04.04.2023; одобрена после рецензирования 10.05.2023; принята к публикации 10.05.2023.

The article was submitted 04.04.2023; approved after reviewing 10.05.2023; accepted for publication 10.05.2023.